Закон молодильного яблочка

Автор:
Дарья Донцова

Закон молодильного яблочка

Дарья Аркадьевна Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #41Иронический детектив (Эксмо)

Виола Тараканова собралась замуж за своего верного Степана! Пока жених в командировке, невеста опять вляпалась в историю. Прямо на глазах у Виолы в ресторане убивают мать олигарха Ферина, заказавшего писательнице создать книгу по его сюжету. Причем стреляет бывший одноклассник бизнесмена! С чего вдруг тихий историк-архивист взялся за пистолет?.. Конечно, чтобы разобраться в этой истории, Виола Тараканова полезет в гущу событий, а там обнаружится та-а-акое… Никаких «вдруг» не бывает, все в нашей жизни закономерно – действие равно противодействию. А если проще – как аукнется, так и откликнется. Сделал что-то дурное в юности, это дурное тебя через много лет настигнет…

Дарья Донцова

Закон молодильного яблочка

© Донцова Д.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

«Не гламурно носить серебряные серьги, если у вас золотые зубы…»

Я поперхнулась чаем и уставилась на экран телевизора, где улыбалась блондинка неопределенных лет, только что произнесшая эту фразу. Назвать точный возраст женщины мешали пластические операции, которые она не побоялась сделать. Камера отъехала, и я увидела ведущую передачи, одетую в синюю юбку, пронзительную зеленую кофту и украсившую шею шарфиком цвета взбесившегося апельсина.

– А как вы относитесь к сочетанию в одежде разных оттенков? – с неподдельным интересом осведомилась телеведущая.

– В этом вопросе я толерантна, – снисходительно ответила дама, затем, бросив взгляд на собеседницу, пустилась в пояснения: – Когда я вижу особу, чей наряд напоминает цветом забор стоящей на берегу реки психбольницы в сочетании с висящим на нем оранжевым полотенцем кого-то из сумасшедших, я не закатываю глаза, не говорю: «Ужас, ужас, ужас…», а понимаю, что у бедной во всех смыслах этого слова девушки из-за нищеты не хватило средств на покупку зеркала. Мне просто ее жаль. В конце концов, кому плохо от того, что глупышка нарядилась неподобающем образом? Главное, чтобы она была довольна, ее муж счастлив, дети веселы. А то ведь как бывает – внешний вид матери семейства безупречен, а в ее доме царит бардак. Я легко могу простить солнечный шарф в дополнение к зеленой блузе и голубой юбке. Важно, чтобы все это надел на себя хороший человек.

– Но серебряные серьги и золотые зубы вы не одобряете, – напомнила ведущая.

– Душенька, я ведь произнесла другие слова – «не гламурно», – напомнила гостья, – я вовсе не высказалась резко, мол, немедленно снимите украшение. Но могу дать совет. Знаете закон молодильного яблочка? Умеренность во всем! Везде: в цацках, в одежде, в косметике. Чем старше становишься, тем меньше пищи, строже платье и никаких побрякушек. Некоторые пенсионерки полагают, что тонны теней на веках их сделают двадцатилетними. Наоборот получится. Закон молодильного яблочка иной.

Мне стало смешно. Сама-то дама разряжена в пух и прах, обвешана бусами, ее пальцы унизаны кольцами, на запястьях звенят браслеты… Похоже, она считает себя юной девушкой.

– Спасибо за беседу. С нами была астрологический консультант по моде Элоиза де ля Фер, – скороговоркой выпалила ведущая.

К моему столику с подносом в руке подошел бармен, на его носу почему-то сидели темные очки, что выглядело странно в помещении кафе.

– Де ля Фер, вы слышали? – хмыкнул парень.

– Да, – улыбнулась я. – Если память меня не подводит, в книге «Три мушкетера» так звали Атоса. Он был графом де ля Фер.

– Сомневаюсь, что эта фамилия у астролога указана в паспорте, – криво усмехнулся работник общепита.

– Принесите, пожалуйста, воды, – вмешался в наш разговор мужчина, занимавший место у окна.

– Сию минуту, – ответил бармен и направился к стойке. – Вам с газом или без? Российскую или импортную? Вторая заметно дороже первой. Какую предпочитаете?

– Любую, только побыстрей, – нетерпеливо процедил посетитель.

Я чихнула. На полу около клиента стояла большая сумка, от которой исходил неприятный запах дешевой синтетики и специфический «аромат» какой-то химии.

Мимо окна крохотного кафе проехал автобус, мой телефон издал попискивание, я взяла трубку и прочитала эсэмэску:

«Виола, вы где? Через пятнадцать минут объявят тревогу».

Хихикнув, я отправила ответ:

«Думаю, посетителей это не касается. Я не являюсь сотрудником архива».

Вскоре прилетело новое сообщение:

«Госпожу Тараканову посадили за стол в библиотеке, коей я заведую. На меня возложена ответственность за вашу человеко-единицу. Я лишусь премии, если вы не приведете рабочее место в порядок до учений».

Обреченно вздохнув, я попросила бармена:

– Пожалуйста, рассчитайте меня.

И одновременно проводила взглядом сердитого клиента со спортивной сумкой, который, держа ее в руке, направился к выходу. На поясе у него висела борсетка, я невольно улыбнулась. Некоторые люди всю жизнь хранят верность некогда полюбившимся им вещам. Ну кто сейчас пользуется кошельками, которые крепятся к ремню брюк? Мода на них прошла в начале двухтысячных.

Бармен подошел ко мне с терминалом, прокатал карточку и смутился:

– Простите, но на вашем счете нет денег.

– И куда они подевались? – удивленно заморгала я.

– Увы, финансам это свойственно – они живо улетучиваются, – засмеялся бармен. – По себе знаю: кажется, вот только что получил зарплату и… упс, ее уже нет.

– Извините, я сейчас позвоню в банк, – сказала я.

Молодой человек вернулся к кофемашине, а я поговорила с девушкой из отдела обслуживания клиентов, затем сама подошла к стойке.

– В банке случился сбой в компьютерах. Обещали через четверть часа все наладить. Если не боитесь обслуживать посетительницу, у которой в этот момент на карте пусто, налейте мне еще чаю.

– Готов подать его вам даром, – мирно откликнулся бармен. – В жизни бывают разные обстоятельства. А еще вот…

Я посмотрела на табличку, на которую показал парень, и прочитала вслух:

– «Кофе для друга. При отсутствии денег вас угостят бесплатно. Акция проводится на благотворительные средства».

Рядом стоял прозрачный пластиковый куб, внутри которого находились мелкие купюры и монеты.

– Спасибо за предложение, но у меня, слава богу, нет проблем с оплатой. Посижу у вас некоторое время, и карточка заработает.

Молодой человек взял пустую чашку.

– Компьютеры – прекрасная вещь, однако полагаться на них целиком и полностью нельзя. Когда случаются перебои с электричеством, все ноутбуки-айфоны-айпады довольно быстро, как только у них автономное питание заканчивается, превращаются в бесполезные коробки. А человек и при свечах работать может. Хотя с людьми бывают свои проблемы: опоздают на службу, или напьются, или вообще не придут в офис.

– Вы правы, нет в мире совершенства, – засмеялась я.

Мы с барменом продолжали болтать ни о чем, как вдруг с улицы долетел истошный вопль:

– Помогите! Кто-нибудь! Скорей!

Я бросилась наружу и увидела женщину лет шестидесяти, стоявшую около лежащего на тротуаре человека.

– Он упал! – воскликнула она. – И умер! Инфаркт, инсульт или тромбоэмболия.

– Возможно, просто обморок, сейчас я вызову «Скорую», – попыталась я успокоить перепуганную пенсионерку, доставая телефон.

– Нет, звоните в полицию, – возразила та. – Доктора ничем уже ему не помогут. Я сама врач и вижу, что бедняга мертв. В случае подозрительной смерти надо вызвать представителей правопорядка, а не тратить зря время на звонок медикам.

Я, держа трубку в руке, присела около неподвижного тела. Хм, похоже, мужчина и впрямь скончался… А вдруг нет? Что, если ему еще можно помочь?

– Все равно обращусь в «Скорую», – пробормотала я, – вдруг он в обмороке.

– Говорю же, я врач, – повторила прохожая, – мужчина мертв.

У меня на языке вертелся вопрос: «Вы доктор? Почему тогда так испугались смерти? Насколько я знаю, люди в белых халатах привычны к появлению старухи с косой».

Когда я, позвонив в диспетчерскую, убрала трубку, незнакомка почему-то начала оправдываться:

– Я стоматолог, мои пациенты не умирают, с трупами я сталкивалась только во время учебы, потом господь миловал. Извините за крик, я растерялась. Нет, даже испугалась.

– По-моему, нужно опасаться живых, – сказала я, – вот от них можно ждать чего угодно, а покойник вам ничего плохого не сделает.

Собеседница вдруг взвизгнула и убежала, а я еще раз посмотрела на несчастного. Вот уж не повезло мужику, умер на улице… Мой взгляд упал на брючный ремень бедолаги. Что-то показалось мне странным. Но что? Не найдя ответа на вопрос, я вернулась в кафе и сказала бармену, протиравшему тряпкой стойку:

– Посетитель, который недавно от вас ушел, похоже, умер на улице. Но поскольку я не являюсь медицинским работником, то, возможно, ошибаюсь, и

несчастному еще можно помочь. Короче, я вызвала «Скорую». Если на тротуаре труп, врач сам сообщит в полицию. Нехорошо, что бедолага там вот так лежит. Можно я возьму ваш плед и прикрою его? Улица малолюдная, пока на ней никого нет, но вдруг кто-то появится, не стоит пугать прохожих…

– Черт! – воскликнул бармен. И пробормотал: – Как чувствовал, что от него будут неприятности, чуяло сердце… Конечно, берите.

Я сдернула со спинки кресла флисовое одеяло, вышла на улицу и набросила плед на тело. Затем вернулась в кафе и снова подошла к стойке.

– Похоже, врачи действительно, как говорила старушка-прохожая, не нужны, бедняга не моргает, не шевелится.

– Вот невезуха, через полчаса ланч… – занервничал бармен. – Понимаете, у меня тут шесть столиков, и они все, как правило, в обед заняты. Конечно, вам пара тысяч рублей, которые я предложить за услугу могу, не нужна, вы явно обеспеченная женщина, но, может, из христианского милосердия поможете мне, а? Давайте оттащим тело подальше, к воротам архива. Ну как будто он возле них скончался. Сотрудникам архива все равно, а ко мне, боюсь, люди ходить перестанут. Чтобы открыть это заведение, я большой кредит взял, его отдавать надо…

На секунду я растерялась, потом ответила:

– Нет, нет, нельзя перемещать тело. Вот вам моя визитка, если полиция захочет задать мне пару вопросов, я буду рядом, некоторое время проведу в архиве, к двери которого вы просили труп оттащить. Кстати, должна сказать, что ваше предложение звучит более чем странно… Все, давайте я расплачусь, наверное, кредитка уже работает.

– Как вас зовут? – неожиданно спросил хозяин кафе, отдавая мне чек.

– На визитке написано, там же указан и телефон, – удивилась я вопросу.

– Извините, не вижу, – произнес он.

– Просто отдайте визитку старшему наряда, который приедет, – уточнила я.

Хозяин кафе снял черные очки.

– Простите, – прошептала я, – не знала, что вы слепой. Так ловко ходите по помещению, ничего не задеваете…

– Давайте познакомимся, – улыбнулся владелец заведения, возвращая очки на место, – Кирилл Капотов.

– Виола Тараканова, – представилась я, – друзья зовут меня Вилкой.

– В местах, которые хорошо знаю, я проблем не испытываю, – пояснил Кирилл, – а для улицы и помещений, где ранее не бывал, есть электронный брелок, он предупреждает о разных помехах на пути.

– Но вы недавно назвали меня обеспеченной женщиной, – продолжала я недоумевать. – Как вы это поняли? Любой другой оценил бы стоимость моей одежды, но вы же ее не видите.

Бармен облокотился на стойку.

– Так ведь не обязательно быть зрячим, чтобы получить исчерпывающую информацию о человеке. От вас веет духами, а я этого аромата не знаю, ни разу такой не встречался. Он сложносочиненный, со многими нотами: слива, перец, красное вино… Все называть не стану. Женщины, которые сюда заглядывают, чаще всего жертвы рекламы, покупают парфюм, который за немалые деньги от производителя продвигает «глянец». Дурочки не понимают, что кожа каждого человека индивидуальна, что духи, попав на нее, всегда меняют первоначальный аромат. Тот, что покупательнице понравился на тестере, соединившись с ее запахом, может радикально измениться. Кое от кого просто дрянью несет, а они явно в восторге: как же, ведь «носят» топовые духи. «Мол, ах-ах, коллега купила себе «Хренель» номер сто семь, и я приобрету, буду на пике моды, как все». Нет бы сообразить: модной туалетная вода стала из-за того, что за ее рекламу нехило заплатили хозяину СМИ. Журналисты получили от владельца издания барашка в бумажке и принялись его рьяно отрабатывать, стали писать белиберду: «Лучший парфюм года по версии нашего еженедельника», «актрисы из Голливуда пользуются только этим ароматом», и

т. д. и т. п. В результате стадо овец бежит в лавку, отдает за флакон в сто раз больше денег, чем затрачено на его производство, и, пардон, воняет одинаково… Глупость такого поведения даже обсуждать не стоит. А у вас эксклюзивный парфюм. Делаю вывод: у вас хватает ума, чтобы не глотать ржавый крючок рекламы. Один плюс вам. К тому же вы обладаете чувством меры, не опшикиваетесь духами с ног до головы, как орда идиоток. Второй плюсик вам. И у женщины достаточно денег, чтобы купить не массовое издание. Новый плюсик.

– Последний не вполне заслужен, – возразила я. – Ведь возможно, деньги заработала не я, а мой любовник. Или муж.

– Наоборот! – хмыкнул Кирилл. – Значит, вы сумели заарканить богатого и щедрого парня. Еще два плюса: вы не курите, а шампунь и лак для волос у вас от дорогой американской фирмы. Далее: сумка и туфельки из натуральной кожи, которая издает иной аромат, чем тряпка или искусственные материалы. С запахами мы вроде разобрались, теперь о слухе, который тоже мне очень помогает. Благодаря ему я понял, что вы в джинсах и в шелковой кофточке, на руке у вас три браслета. Верхняя часть одежды из натурального материала, а он дорогой, нижняя бюджетной марки, но такие брюки весь мир носит, они очень уж удобны. Один браслет из натурального золота, два других просто металл, но судя по звуку, который они издают, касаясь друг друга, качество его первостатейное. Мне продолжать или понятно, почему слепой бармен сделал вывод о вашем достойном материальном положении?

– Не надо, – попросила я, – мне все ясно.

Глава 2

– Я родился слепым, – продолжал Кирилл, – и если вдруг прозрею, хотя это невозможно, не буду знать, что с глазами делать. Они мне практически не нужны, я не умею ими пользоваться.

– Клиент, который сидел у окна, сюда часто приходил? – поинтересовалась я. – Вы обронили фразу, что ждали от него неприятностей. Почему?

Капотов аккуратно поместил чистый фужер в крепление над стойкой.

– Впервые он пришел сюда где-то ранней весной или в конце зимы. Точно месяц не назову, февраль или, может, март. Посидел, расплатился наличкой и ушел. С тех пор он заходил регулярно. Появлялся ровно в полдень, сидел минут двадцать-тридцать, пил эспрессо. Потом давал на чай рубль и удалялся. Бесед со мной не вел. Делал заказ и молчал.

– Странно, – удивилась я.

– Согласен, – кивнул Капотов. – Сначала я решил, что он в каком-то офисе поблизости служит, вот и прибегает кофейком подкрепиться. Но потом сообразил: не в кофе дело. Понимаете, дядька, как самолет, по расписанию в полдень за столик приземлялся, а вот покидал кафе по-разному, иногда в десять минут первого, порой позже. И у него при себе всегда была спортивная сумка.

– Вы же слепой! – вырвалось у меня. – Ой, простите… По звуку поняли, какая поклажа?

– Нет, – улыбнулся Капотов, – по запаху. Моя жена купила сумку для фитнеса из дешевой синтетики, она воняла нестерпимо. Я супругу отругал, она разозлилась: «У тебя нос, как у собаки! Ничего, выветрится». Но эта дрянь до сих пор мое обоняние парализует. Неужели вы не ощутили «аромата»? Был запашок, – продолжал мой собеседник, – весьма неприятный, химический такой. – Странный тип, – добавил бармен. – И постоянно он с этой мерзкой торбой таскался. Меня, помню, любопытство скрутило – ну что за ерунда со временем визита этого посетителя? А потом я скумекал: городской транспорт! Как только автобус мимо кафе проезжал, мужик расплачивался и уходил.

– Сегодня он воды у вас попросил, – напомнила я. – Причем сердитым тоном.

Кирилл опять взял тряпку и начал возить ею по мраморной доске.

– Похоже, он нервничал. Автобус не приехал даже в двенадцать сорок пять, а этого ни разу не случалось. Максимум мог на пять-десять минут опоздать. По расписанию «Икарус» тут в двенадцать тринадцать тормозит, остановка-то рядом, налево по улице метрах в ста. А сегодня он сильно задержался, вот дядька и задергался. И обычной своей привычке изменил – бросил деньги и

убежал, хотя всегда сдачу забирал, а рубль на чай с собой приносил и мне отдельно вручал.

– Вы не знаете, как зовут этого посетителя? – спросила я. – Кому позвонить нужно, чтобы сообщить о несчастье?

– Без понятия, – пожал плечами хозяин заведения – Всех своих постоянных клиентов я по именам величаю, а его нет. И он сегодня впервые что-то кроме слова «эспрессо» произнес. В отличие от других клиентов он не здоровался, не прощался. Входил, цедил сквозь зубы: «Эспрессо». И все. Уходил молча.

– Неужели ваши замечательные нос и слух никакой информации о нем не сообщили? – вздохнула я.

Кирилл вынул из холодильника бутылку минералки.

– Сейчас Григорий прискачет, а он только теплую пьет… – Затем ответил на мой вопрос: – Запах от него исходил специфический, так воняют средства против бытовых насекомых. Еще ясно считывалась банановая отдушка.

– Фу, – поморщилась я, – смесь просто отвратительная.

– Никогда не нюхал такого «букета», – признался Капотов. – У меня в голове прокручивались разные варианты профессиональной деятельности клиента. Например, он работал на складе, где хранится бытовая химия, причем всякая-разная, поэтому столь необычный «коктейль» образовался. Или он сотрудник какой-то лаборатории. Кстати, он прямо с работы приходил. Почему я так решил? Время-то служебное! И еще любитель экспрессо курил дешевые сигареты. Без фильтра.

– Такие еще выпускают? – удивилась я.

– Почему нет? – улыбнулся хозяин кафе. – Сейчас народа, который каждую копейку считает, не меньше, а может, даже больше, чем прежде. И есть граждане, вполне обеспеченные, которым подавай исключительно эту гадость. А раз спрос есть, то существует и предложение. И еще я могу сказать, что мужик одинокий.

– Тоже это по запаху определили? – не удержалась я от сарказма.

– По отсутствию телефонных разговоров, – охотно объяснил Кирилл. – Ну ни разу ему никто не звякнул. И сам он никогда трубкой не пользовался. Мне вот жена или дочка постоянно трезвонят.

Словно в подтверждение слов Капотова, по залу понеслась песня: «Жили у бабуси два веселых гуся…»

– О, – засмеялся хозяин, – только Бабу-ягу помянешь, так она сразу тут как тут. Привет, Надюша. Что, туфли? Но ты же месяц назад новые купила. Не подходят под желтое платье? Ну прямо не знаю, что тебе, дорогая женушка, и сказать…

Я не стала ждать, когда владелец заведения завершит беседу с расточительной супругой, и двинулась на улицу. Стараясь не смотреть на тело, прикрытое пледом, перешла на другую сторону, миновала автобусную остановку, затем вошла под своды архива.

– О-хо-хо, Арина Вилоковна, – зашептала бабуля, которая сидела за столом у входа, – бегите скорей в библиотеку. Никитина вся издергалась, что вы опоздаете к началу проверки готовности к экстремальному случаю, а ей за это влетит.

Я поторопилась вперед по длинному коридору.

Будучи женщиной с паспортом, в коем записано имя Виола Ленинидовна, ваша покорная слуга госпожа Тараканова давно привыкла к разным вариантам обращения к себе. То, что отчество «Ленинидовна» может правильно произнести один человек из десяти тысяч, меня не особенно удивляет. Напомню, папеньку моего величают Ленинидом, это так называемое новое советское имя, составленное из начальных букв слов «Ленинские идеи». Кстати, Марлен, если кто не в курсе, это сокращенно от Маркс – Ленин, Владлен – от Владимир Ленин, Виль – от В. И. Ленин, а Ким от слов «коммунистический интернационал молодежи». Чаще всего ко мне обращаются просто – Виола Леонидовна. Но после того, как я начала под псевдонимом Арина Виолова писать детективные романы, варианты моего имени стали меня поражать. Меня величают Ариной Леонидовной, Леонидой Виоловной, Виолой Ариновной… Наиболее экзотичным мне показалось сочетание «Арина Таракановна». Но сейчас я готова отдать

пальму первенства милой дежурной, которая назвала меня «Арина Вилоковна». Отлично, значит, мой папаша был Вилок. Капустный, судя по всему. Могу теперь смело утверждать, что меня нашли на грядке.

Хотя уж лучше вырасти в огороде, чем состоять в родстве с Ленинидом. Чем досадил мне папаша? О том, как он вел себя до того, как стать актером, я уже неоднократно рассказывала[1 - Биография Ленинида детально изложена в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки».]. Напомню лишь одно: я, наивная, полагала, что Ленинид, начав сниматься в сериалах и закопав уголовное прошлое, станет наконец-то обычным гражданином. Ан нет, папенька устроил мне… Ой, не хочу говорить об этом![2 - История, которую не желает вспоминать Вилка, описана в книге Дарьи Донцовой «Инкогнито с Бродвея».]

Я открыла дверь, вошла в библиотеку и увидела, как несколько человек одновременно повернулись в мою сторону.

Вера Васильевна, заведующая, отчаянным жестом указала на круглые часы, которые тикали на стене, и придушенно прошептала:

– Через три минуты Андрей Николаевич придет.

– Мы чуть не умерли от нервов, – добавила ее заместительница Наталья Владимировна.

Простые сотрудницы Лена и Ира закивали.

Я уже открыла рот и хотела спокойно объяснить, что не состою в штате архива, являюсь его посетительницей, значит, не обязана принимать участие ни в каких местных мероприятиях. Но тут дверь распахнулась и на пороге возник начальник архива с криком:

– Пожар! Горим!

Женщины вскочили. Вера Васильевна, роняя тапки, кинулась к шкафу, выудила из него огнетушитель и замерла. Наталья Владимировна судорожно порылась в своей сумке, добыла оттуда складную лопатку, разложила ее ручку, взяла лопату, как винтовку, и прижалась к стене. Лена одним прыжком очутилась у

окна, отодвинула штору, сняла с подоконника пластмассовое детское ведерко и застыла. Одна Ира бегала по кабинету, бормоча:

– Где песок? Где он? Где мешок? Где?

– На полу, у полки с клиентскими папками, – сквозь зубы процедила Наталья Владимировна.

Но Ира продолжала озираться.

– Где? Где? Где?

Я не собиралась участвовать в идиотской затее, поэтому собрала папки, разложенные на моем столе, взяла их и хотела объявить здешнему воеводе: «Я не являюсь вашей подчиненной, не собираюсь участвовать в пожарной тревоге. Куда пойти, чтобы спокойно поработать?» Но потом глянула на выпученные глаза царька местного значения и молча пошла к двери, прижав к груди документы. Незачем общаться с господином Шлыковым, устроюсь в холле, там есть стол.

– Стой! – скомандовала Вера Васильевна. – Писательница, куда поперлась? У нас здесь документы! Подлинники! Не конфетные фантики!

– Верните похищенное на законное место, – потребовала Наталья Владимировна.

– Да, – подхватила Лена, – да!

Я обернулась, набрала полную грудь воздуха, чтобы ответить безумным теткам…

– Здание сгорело! – проорал Андрей Николаевич. – Вы все покойники! Бумаги уничтожены! Всем выговор! Строгий! А ей…

Палец Шлыкова ткнул в мою сторону.

– Похвала, поощрение и премия!

– За что? – возмутился хор голосов.

Мне тоже стало интересно, поэтому я не покинула библиотеку, решив выслушать местного шефа.

Шлыков прочистил горло.

– Объясняю: она единственная четко выполнила специально разработанную инструкцию спасения частного архива современных российских и царских аристократических фамилий за период новейшей истории с начала двадцатого века.

– Мы выполнили ваши предписания в лучшем виде! – возмутилась Вера Васильевна.

Андрей Николаевич подбоченился.

– Минус десять очков вам.

– Почему? – вопросила заведующая библиотекой.

– Где бумага, которую я тщательно составил? – прогремел шеф.

– На стене за вами, – пропищала Ирина.

Босс оглянулся.

– Читаю. Внимание, все молчат! Слушают и запоминают! Итак, правила поведения при взрыве… Это что такое? Сегодня мы отрабатываем пожар!

– Листочки приподнимите, – подсказала Вера, – руководство как календарик сделано, на пружинке.

Архивный шеф начал перелистывать бумажки.

– Взрыв, наводнение, землетрясение, нападение инопланетян, война с Америкой-Европой-Азией, эпидемия лихорадки Эбола, Всемирный потоп…

Меня стал душить смех. Нападение инопланетян и визит летающих тарелок – это, конечно, сильно. Но в списке указан еще и Всемирный потоп. Просто нет слов! Надо бы почитать на досуге творение рук и разума господина Шлыкова, должно быть, это забавный опус.

Глава 3

– Вам нужен второй листочек, – подобострастно подсказала Ирина, – он, похоже, к первому случайно приклеился.

– Вижу, – сердито буркнул шеф. – Внимание! Кха-кха… Итак, пожар. При первых признаках задымления библиотеки архива коллектив должен сделать следующее. Первое: собрать документы и вынести их в безопасное место. Начальнице нужно взять огнетушитель и огнетушить им очаги возгорания. Второе: замзав надо с помощью лопаты создать вокруг библиотеки заградительный ров, чтобы пламя не перекинулось на помещение особой важности, а именно на личный кабинет начальника.

Перед моими глазами развернулась картина необыкновенной силы: дама по имени Наталья Владимировна яростно ковыряет заступом паркет в коридоре, создавая заградительный ров… Библиотека-то расположена в городском здании, это вовсе не сарай в поле. Ох и нелегко придется заместительнице Веры Васильевны! Я невольно хихикнула, но тут же закашлялась, чтобы скрыть смех.

– Третье, – нудил Шлыков, – сотрудницы низшей квалификации с помощью ведра воды (одна) и мешка с песком (вторая) перекрывают доступ кислорода к огню, одновременно вызывая в архив пожарную бригаду, «Скорую помощь», МЧС, аварийные Мосгаза, Мостелефона, Мосводопровода и Мосэнерго, сообщают о происшествии начальнику архива А. Н. Шлыкову, не отвлекаясь при этом от заливания водой и опесочивания территории, пораженной огнем.

Босс повернулся к Вере Васильевне.

– А что мы имеем сейчас? Никто из вас, кроме новенькой, даже не подумал спасти документы. Кстати, почему у сотрудницы пустое детское пластмассовое ведро?

– А какое надо? – еле слышно прошептала глава библиотеки.

– Цинковое! Двадцатилитровое! Полное воды! – заорал шеф архива. – В чем прок от пустого ведра? Отвечайте, Никитина!

– Э… э… э… – забормотала зав библиотекой, – ну… э… э…

А начальник уже налетел на Наталью Владимировну:

– Зачем у вас складная лопата в руке? Говорите!

– Ну… вроде…

– А какая требуется? – решилась задать уточняющий вопрос Вера Васильевна.

– Пожарная! Установленного по ГОСТу образца! – завопил руководитель архива. – Правильного размера! Вида! Формы! Цвета! И какого дьявола вы все, кроме новенькой, в домашних тапках?

– Ноги в туфлях устают, – призналась Лена.

– Вон оно что… – неожиданно залучился улыбкой начальник. И тут же взорвался воплем: – А у новенькой кроссовки на шнурках! Джинсы, кофта! Побежит с бумагами, папки не потеряет, документы спасет. Правильная одежда и обувь. К тому же она сообразила документы схватить. У вас же шлепки со ступней сваливаются… Все! Вера Васильевна, вы теперь сотрудник категории два. А она заведующая.

Увидев направленный в мою сторону указательный палец, я попятилась. Никитина скорчила гримасу.

– Тараканова не в штате архива…

– Она теперь заведующая! – рявкнул Шлыков. – Остальным молчать. Не нравится решение начальства? Дверь открыта. Шагом марш в сад!

Андрей Николаевич повернулся и был таков. Вера Васильевна зарыдала и убежала. Наталья Владимировна взглянула на меня.

– Очень вас уважаю и ценю.

Потом тоже унеслась.

– Вам чайку заварить? – поинтересовалась Лена. – Могу сбегать на улицу за шаурмой.

– Спасибо, – ответила я, – не старайтесь. Сейчас пойду к Андрею Николаевичу и объясню ему, что я писательница, не нанималась в его архив сотрудницей. Вера Васильевна опять возьмет бразды правления в свои руки.

– Да, да, я сношусь за лепешкой с курицей, – словно не слыша меня, решила Лена, – заодно куплю водички в бутылочке для чая. Верке-то всегда из-под крана наливала в сортире, а для вас хочется что-то хорошее сделать.

Девушка испарилась. Ирина рассмеялась и тоже ушла. Я осталась в библиотеке одна. Ну, Вилка, ты мастер художественных неприятностей!

Наверное, настала пора объяснить, почему я очутилась в столь странном месте? Что ж, приступаю.

Мой жених Степан Дмитриев улетел в Америку. Свадьбу мы сыграем в декабре, на календаре сейчас сентябрь, самое начало первого месяца осени. Я проводила будущего мужа в аэропорт, и не успел Степа помахать мне рукой, уйти в зону дьюти-фри, как я заскучала по нему. А через день после отлета Степы у меня случился творческий кризис – мне никак не удавалось начать новую книгу. Обычно из состояния коллапса меня выводит Степан. Но сейчас-то он находится далеко! Конечно, можно было позвонить в Нью-Йорк, но мне не хотелось отвлекать жениха от дел.

Неделю я маялась у письменного стола, пытаясь придумать первую фразу нового романа. С трудом родилось несколько вариантов – «Наступила осень», «Наступил сентябрь», «Наступило лето», «Наступила весна». На том моя фантазия иссякла. Стало понятно: времена года здесь совершенно ни при чем, наступили вовсе не они. Просто у меня наступило творческое бессилие, в связи с чем я впала в полнейшее уныние.

В тот момент, когда из моих глаз на лист бумаги, где толпились зачеркнутые фразы, каждая из которых начиналась со слова «наступить», закапали слезы, позвонила Ксения Зеленкина, начальница одного из отделов издательства «Элефант», и нежным голосом спросила:

– Вилочка, как ты относишься к деньгам?

– По-разному, – честно ответила я, – в зависимости от того, что с ними предстоит делать: получать или отдавать. В первом случае я радуюсь, во втором – восторга не испытываю.

– Ко мне обратился бизнесмен Александр Ферин, – продолжала Ксюша, – он просит написать для него книгу и предлагает шикарную оплату. Ему нужен детектив с сюжетом, который он сам придумал, – историческое убийство, случившееся четыреста лет назад.

– Давненько, – вздохнула я, – свидетелей в живых уже нет. И улик не найти.

– Верно, – хихикнула моя собеседница.

– Ты же в курсе, что я не могу похвастаться буйной фантазией, – продолжала я, – могу лишь описать то, что случилось в действительности.

– Так убийство произошло в реальности, просто очень давно, – возразила Зеленкина.

– Исторический детектив – не мой конек, – продолжала отбиваться я.

– Я отправила тебе на ватсап цифру аванса, который Ферин заплатит, как только ты согласишься работать, – прожурчала Ксюша. – А основная часть денег будет

мигом вручена тебе в момент сдачи рукописи в «Элефант». Кстати! На обложке будет твоя фамилия, не Александра.

– Слышала про богатых людей, у которых жены хотят стать писательницами, – засмеялась я. – Красавицы мечтают на презентации раздавать автографы и чтобы журналисты под их снимками писали не «светская дама», а «писательница».

– Всем же понятно, что «светская дама» – красивое название бездельницы, которая живет за счет мужа-папы-брата, бегает по тусовкам, чья жизнь протекает по маршруту: салон красоты – магазины – ресторан – ночной клуб, – перебила Ксюша. – А «писательница» – это престижно и модно. Раньше считалось хорошим тоном открывать цветочный магазин, потом настала очередь кафе, затем все супруги и дочки запели, превратились в звезд эстрады или ходили по подиуму и снимались в телесериалах. А в этом году новая фишка – светские дамы становятся писательницами. Мужья нанимают…

– Тех, кто может состряпать повесть, – перебила я, – и та выходит под фамилией жены. Мадам гордо презентует свою «стряпню», оставляет автограф на книгах, и все довольны. Ух ты…

– Увидела сумму аванса? – предположила причину моего удивленного возгласа Ксюша.

– Да, – откликнулась я. – Однако странно, цифра уж очень большая.

– Денег много не бывает, – заметила Зеленкина.

– Верно, – согласилась я. – Но зачем бизнесмену столько денег платить? И за в десять раз меньшую сумму какой-нибудь журналист легко ему сагу сочинит. Все равно сей опус никто читать не станет, книга-то нужна лишь «светской даме» в качестве аксессуара, чтобы показывать ее и говорить: «Это я написала».

– То-то и оно! – засмеялась Ксения. – Александру не нужно из супруги детективщицу делать, он вообще не женат, живет с мамой. Та астролог, вполне успешный, ведет колонку в гламурном журнале и телепрограмму. То есть ей не надо зарабатывать популярность за счет чужого труда. Ты не поняла: Ферину нужна книга именно Арины Виоловой на его сюжет. Он надеется, что твое имя

привлечет читателей, об истории узнает широкий круг людей.

– Один раз я пробовала написать роман по заказу[3 - Читайте книгу Дарьи Донцовой «В когтях у сказки».], – пробормотала я.

– И что? – полюбопытствовала Ксюша. – Получился?

– Ну да, – протянула я, – только совсем не тот, на который рассчитывала заказчица. Бизнесвумен задумала пропиарить свою гостиницу, а у меня получился детектив под названием «Кошмар в отеле». Короче, я раскопала кучу такого, что трогать не следовало, целая армада хозяйских и чужих семейных секретов на свет божий из-под камней змеями выползла.

– Включи ум! – потребовала моя собеседница. – Если один опыт оказался неудачным, это еще не повод не брать другой заказ. Писать просят не о современности, а о событиях, которые четыреста лет назад происходили. В живых-то никого не осталось! Какие бы там истории ни открылись, кому они повредят? Тебя сильно взволнует, если твой предок в тысяча четыреста девяносто девятом году убил своего соседа, чтобы заполучить его жену? Только честно!

Я призадумалась.

– Ну если честно, то, конечно, не особенно приятно знать, что во мне есть гены, которые позволили прапрапрадедушке стать убийцей. Но…

– Честно говори! – потребовала Зеленкина. – Ты очень испереживаешься, услышав о стародавнем преступлении?

– Да в общем-то нет, – призналась я. – Оно уже как легенда.

– Вот и ответ! – обрадовалась Ксю. – Короче, номер мобильного Александра Ферина я тебе отправила. Звякни ему, и поговорите. Деньги ну очень приличные! Тебе же они нужны?

– Ты знаешь человека, который на такой вопрос ответит: «нет»? – засмеялась я.

– Да есть один, способный на это, – усмехнулась Зеленкина. – Сейчас он живет в Индии, ходит босиком, ест горсть риса в неделю и совершенно счастлив. А среди моих московских знакомых аскетов нет. Ты в данный момент над чем-то работаешь? Новую книгу пишешь?

– Нет, – призналась я.

– Очередной сюжетец обмозговываешь? – не утихала Ксения.

Мне пришлось снова ответить:

– Нет. Ничего интересного пока в голову не пришло.

– А тут предлагают идею романа и отличные деньги за его написание, причем на обложке поставят не чужую, а твою фамилию. Что еще надо? – рассердилась Ксюша. – Не имею права тебе говорить, но скажу. Небось ты в курсе, чем я в «Элефанте» занимаюсь?

– Продакт плейсментом, – ответила я. – То есть соединяешь компанию, решившую прорекламировать свой товар, и писателя, который за некую сумму готов упомянуть про, допустим, ночной горшок производства данной фирмы в своем произведении. Но я таким бизнесом не занимаюсь.

– А зря! – отрезала Ксения. – Ночные вазы, между прочим, нужны, платят за них нормально.

– Не знала, что кто-то из писателей эти изделия рекламирует, – смутилась я, – просто пошутила сейчас.

– А еще ты не знаешь, что многим за продакт совсем крошечные денежки в лапки падают, и люди бывают счастливы, – затараторила Зеленкина, – тебе же повезло получить шикарное предложение: и сюжет, и деньги. Все, хватит болтать, звони Ферину, договаривайся о встрече. Не тормози! Вдруг он передумает?

Глава 4

Разговор с Александром меня удивил. Бизнесмен оказался хорошо воспитанным мужчиной. Первое, что он сказал при встрече со мной, было:

– Это будет книга Виоловой. Я не собираюсь требовать от вас писать чужими словами. Главное – сохранить сюжет, основную линию. А уж как вы ее подадите – ваше дело. Решите привнести парочку любовных линий? Я буду только за. Добавите еще несколько детективных поворотов? Прекрасно. Но не меняйте ничего в том, что придумано мною. Итак, слушайте…

Я включила диктофон и стала внимать Александру.

…Тысяча шестьсот двадцатый год. Неподалеку от Москвы живет дворянин Евгений Златов. Он нищий. Жена Антонина сбежала от безденежного мужа с любовником, а дочь, пятнадцатилетнюю Наташу, оставила на попечении венчанного супруга. Евгений Михайлович живет в большом, но неуютном доме. Ремонта в нем не было со времен кончины Михаила, отца Евгения. Вот папенька нынешнего владельца был богат, получил состояние от предков, приумножил его, передал сыну. Евгений же заниматься делами не хотел, устраивал каждый день балы и играл в карты, а поэтому через пять лет оказался с пустыми карманами. Батюшкино наследство куда-то делось, деревеньки с крепостными отошли в руки его более удачливых партнеров по картам… У Евгения остался только дом, а в нем камердинер и дочь.

Наступили суровые времена. Барин и девочка мерзли в доме, так как у Евгения не было средств на дрова. Питались отец и дочка с огорода, который развел верный слуга. Несмотря на вынужденное вегетарианство, а может, из-за того, что голод заедался хлебом, Наташа сильно растолстела. Красивой одежды у нее не было, над девочкой смеялись в гимназии. Наталья переживала, плакала, но ничего не рассказывала отцу, чтобы не волновать его. А тот в конце концов ухитрился проиграть еще и дом вместе с садом. Пришлось семье переехать в двухкомнатную сторожку в глубине участка, где в былые времена жил садовник.

Теперь сторожка пустовала и оказалась еще грязнее господского дома, с текущей крышей и разрушенным камином. Но отцу с дочкой надо же было где-то голову приклонить. Камердинер Егор спал на кухне, барин и девочка имели по комнатенке с убогой мебелью. Вечера проводили в темноте, так как денег на

свечи не было. Единственной радостью для нищих господ были приглашения в гости. Правда, Златовы жалко выглядели на фоне разряженных соседей, но зато они могли вкусно поесть. А еще Наташа придумала хитрый трюк – под широкую юбку своего единственного приличного платья она вешала полотняный мешочек, разорвав карманы в нижней части. Наташа брала с блюда пару пирожков, съедала один, а второй незаметно через дыру в кармашке отправляла в мешок. Дома он освобождался, и на следующий день Златовы продолжали пировать.

А в бывший их большой дом заселился купец Андрей Шлаков. Он отремонтировал его, привел в порядок сад. У Андрея была дочь Андриана, ровесница Наташи, поэтому девочка пошла в гимназию в тот же класс, где училась Златова. Андриана не достигла значимых успехов в учебе. Несмотря на то что ее папенька жертвовал большие деньги учителям, его дочь постоянно оказывалась последней в классе. А вот Наташа, которую учили исключительно из христианского милосердия, являлась примером для детей, была первой по всем наукам. И, понятное дело, Андриане такое положение вещей никак не нравилось. Богачка подбила учеников издеваться над Наташей, обзывать девочку жиртрестом, портить ее тетради.

Однажды юная Златова вдруг пропала. Евгений Михайлович обратился в полицию, но его дочь усердно не искали. Одновременно с Натальей пропал и семилетний брат Андрианы Гена Шлаков. Спустя год городовой получил анонимное письмо. В нем сообщалось, что Наташу Златову позвала в гости Андриана Шлакова, якобы на пикник. Несколько учеников, в числе коих были Егор Масленкин, Саша Феранин, отправились на берег реки. С ними пошла и Наташа. Очутившись в безлюдном месте, мальчики сначала поиздевались над Златовой, потом задушили ее и утопили. Все происходило под чутким руководством Андрианы. В момент убийства неожиданно появился маленький Гена Шлаков. Мальчик увидел, что старшие дети сделали с девочкой, и Андриана, чтобы он не болтал и не выдал преступников, оттащила его в цыганский табор, расположившийся неподалеку, отдала брата конокрадам…

Текст закончился.

– Ну как? – поинтересовался Александр.

Я замялась.

– Говорите честно, – велел Ферин, – у нас совместная работа.

– Пишущий человек, как правило, эмоционален, не хочется его ранить, – промямлила я.

Александр улыбнулся.

– Я не писатель, детектив для меня всего лишь бизнес-проект. Так как сюжетец?

Я решилась на откровенный разговор.

– В принципе такая история могла иметь место. Но! Она не закончена. Читатель захочет выяснить, что случилось дальше с Геной. Мальчик остался жить с цыганами? Наказали ли детей-убийц?

– Так… – протянул Ферин.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

– Кроме того, я не обладаю необходимыми знаниями по истории. Вот вы пишете, что Наташа и Андриана ходили в одну гимназию. Речь идет о Руси шестьсот двадцатого года. Разве тогда уже была такая система образования? По-моему, в семнадцатом веке дети обучались на дому. Или вот фраза: «Городовой получил анонимное письмо». Честное слово, не знаю, существовали ли четыреста лет тому назад полиция и почта. Понимаете, я автор детективов, действие которых разворачивается в современном мире, и то делаю порой ошибки. А прошлые века для меня нечто темное, совершенно неизвестное. Читатели мигом поймают меня на нелепицах. Ну, скажем, имена. Вроде тогда всех младенцев крестили, называли их в честь святых. Была ли в их списках Андриана? Теперь вам, надеюсь, ясно, почему я не могу взяться за очень интересный проект? Не хочу, чтобы люди говорили: «Арина Виолова написала роман на тему, о которой ни малейшего понятия не имеет».

Александр нажал на одну из кнопок на большой коробке на столе. Через пару минут в кабинете появилась дама лет сорока с безукоризненной прической, скромным макияжем, одетая в дорогой костюм.

– Звали, Александр Евгеньевич? – спросила она, поправляя очки.

– Знакомьтесь, Виола Ленинидовна, мой личный помощник Евдокия Михайловна, а у меня в гостях госпожа Тараканова.

Мы с дамой улыбнулись друг другу.

– Какое у вас образование? – неожиданно поинтересовался у вошедшей начальник.

Если помощница Александра и удивилась, то вида не подала.

– МГУ. Экономический факультет. Кандидатскую диссертацию я там же защищала.

– Прекрасно! – обрадовался Ферин. – Небось вы всегда отличницей в школе были? А потом красный диплом?

Евдокия сняла очки и снова посадила их на нос.

– Золотая медаль открыла передо мной, девочкой из провинции, двери лучшего университета страны. Я очень старалась получить достойное образование.

– У меня к вам вопрос. Где в тысяча шестьсот двадцатом году учились дети? – поинтересовался Ферин.

На лице Евдокии Михайловны промелькнула растерянность.

– Сейчас уточню.

– Нет, – возразил Ферин, – ответьте, опираясь на свои знания. В школе вы проходили курс истории?

– Конечно, – кивнула его помощница, – мне нравилась эта наука. Где получали образование ребята четыре века назад? Ну… наверное, в гимназиях. Ей-богу, не знаю.

– Спасибо, – кивнул босс и опять нажал на кнопку, – вы свободны.

На смену безукоризненной даме явился растрепанный парень в мятых джинсах и клетчатой рубашке с пятнами на животе. С Евдокией Михайловной его роднили только очки.

– Уже тут! – отрапортовал он.

– Василий Головин, – представил юношу Александр, – наш компьютерный гуру. Вася, ты где учился?

– В школе, – ответил юноша.

– А потом? – поинтересовался шеф.

– МВТУ имени Баумана, – начал загибать пальцы Головин, – год в США, два года в Лондоне…

– Сколько вам лет? – не выдержала я.

– Двадцать два. А что? – бойко спросил юноша. – В четырнадцать лет я школу окончил, а Бауманку за три года.

– Вася, кто такой городовой? – перебил компьютерщика босс.

Парень наморщил лоб и стал похож на мопса Фанди, который живет в соседней с моей квартире.

– Ну… типа мэр. В пьесе Гоголя «Ревизор» есть городовой, у него тупая дочь и жена.

– Городничий, – поправила я, – вот он действительно городской глава.

– Городовой, – повторил Ферин, – не городничий. Василий, напряги ум, он у тебя шире реки Днепр, до середины которой не всякая птица долетит. Городовой чем занимался?

– Фиг его знает, – пожал плечами Головин. – Александр Евгеньевич, лучше у бабы Дуси спросите, она всякую такую ерундовину помнит. Лет ей много, а я родился, когда городовых уже не было, и у меня в башке только комп. Городничий, говорите? Если он не мэр… Блин, ну тогда городил чего-то. Заборы, что ли, строил?

– Еще вопрос. Где учились дети в тысяча шестьсот двадцатом году? – продолжал Ферин.

– Ни фига се! Ну вы и спросили, – опешил Вася и полез в карман. – Щас, гляну…

– Нет, без Интернета ответь! – велел начальник.

– За фигом мне такой ерундой голову забивать? – заныл Головин.

Глава 5

– Понятно, да? – засмеялся Александр, когда обескураженный Василий, недовольно ворча себе под нос: «Ни фига се, вопросики…», удалился. – И Евдокия, и Головин умнее многих, но вопрос про гимназию их поставил в тупик.

– Понимаю ход ваших мыслей – никто ничего о давних временах не знает, – кивнула я. – Но все равно я не хочу писать чушь.

Ферин взял телефон.

– Я предполагал, что услышу от вас такой ответ, поэтому вот мое предложение. Дадите интервью СМИ, журналистов я пришлю. Пара съемок на телевидении, несколько бесед для радио, газет и журналов. Речь пойдет о ваших творческих планах. Расскажете, что пишете исторический детектив, изложите сюжет. Его нужно рассказать так, как он написан, с именами-фамилиями. Выучите их, пожалуйста. Этот же текст – основа интервью для СМИ. Слова «городовой» и «гимназия» я уберу. Как вам фраза: «Наташа и Андриана обучались вместе с другими детьми местных дворян»? К такому предложению придраться трудно. То ли они в школе за партой сидели, то ли их родители просто посадили в одной

комнате и учителей наняли. Я восхищен вашим творческим чутьем. Сюжет и впрямь незавершен, но это намеренно. Вы заявите прессе: «Не могу открыть все свои творческие замыслы. Это же детектив! Читатель купит книгу, прочитает ее и тогда все узнает». Непременно добавьте к этому: «Идею романа мне подсказала Елизавета Максимовна Ферина». Это моя мама. Как-то раз пили мы чай, одним глазом в телевизор смотрели, на экране псевдоисторическая ерунда крутилась. Мама вдруг говорит: «Чушь снимают. Вот я придумала сюжет…» И выкладывает историю про Наташу, Андриану, цыганский табор. А я решил мамин роман издать. Ей приятно будет, и мне выгода.

– Вроде в начале разговора вы обронили фразу, что сами сочинили сюжет, – удивилась я.

Ферин расхохотался.

– Отлично! Я проиграл! Придется покупать Ксении ее любимое печенье.

Я опешила.

– Не понимаю, о чем речь?

Александр взял со стола роскошную авторучку и снял с нее колпачок.

– Ни в коей мере не желая вас обидеть, признаюсь: я не читаю детективные романы. Не только те, где автором является Арина Виолова, но вообще любые. Не потому, что презираю легкий жанр, просто времени нет. С Зеленкиной мы делали несколько пиар-проектов, весьма удачных. Когда мне пришла в голову очередная идея, Ксения посоветовала обратиться к очень талантливому человеку, дала вам такую характеристику: «Умная, с удивительно цепкой памятью. Если в понедельник скажете ей, что любите пряники, а через неделю обрините: «Никогда не ем знаменитые тульские изделия», Вилка удивится: «Вы же прежде признавались в любви к ним». Я усомнился, что писательница может помнить малозначительные фразы, и мы с Ксюшей поспорили. Сейчас я хотел подловить вас, – сначала заявил, что сам придумал сюжет, теперь про авторство мамы сообщил. А вы сразу отреагировали. Не вышло! Ксюша любит только наборы из парижской кондитерской Эрме, так что придется мне лететь во Францию.

– Наверное, это вкусно, никогда не слышала об этом магазине, – призналась я.

– О’кей, за мной набор и для вас, – мигом пообещал Ферин. – Только потом не отказывайтесь.

– И не подумаю, – рассмеялась я. – Покажите мне женщину, которая откажется от такого презента.

Александр закрыл ноутбук.

– Договорились. Вот вам адрес частного архива, им заведует Андрей Николаевич Шлыков, потрясающий зануда, но опытный специалист в своем деле. Лично я с ним не знаком, но кое-что о нем от разных людей слышал. Скажите ему, что вас в архив направил бизнесмен Александр Ферин, расскажите о будущей книге, и Шлыков вам предоставит весь необходимый материал по теме. Изучите документы внимательно, получите кое-какие знания для работы. Прямо завтра и начинайте. Вот аванс. Вопросы есть?

Я сложила руки на коленях.

– Пока только один. Но не гарантирую, что с течением времени другие не возникнут.

– Задавайте, – велел собеседник.

– Зачем вам эта книга? Сейчас вы заплатили мне одну большую сумму, по окончании работы вторую. Сердце Виолы Таракановой радуется, моя жаба пляшет кукарачу. Но вам-то что с этого? В чем выгода господина Ферина? Я не испытывала бы недоумения, закажи вы роман с фамилией вашей матери на обложке.

Александр щелкнул пультом, на стене вспыхнул большой экран.

– Я выпускаю корма, лекарства для животных, биодобавки, шампуни, кондиционеры, домики, комбинезоны, игрушки. Ассортимент обширный, рынок гигантский, но и конкуренция злая. Наш отдел продаж провел исследование и выяснил: собачники-кошатники и другие зверолюбы – большие любители

криминального чтива. Вот и родилась идея – рейтинговый автор пишет роман, не совсем обычный для себя, что уже привлекательно для читателя, новенькое всегда вызывает интерес, но книга будет не завершена. Последним абзацем писателя станет: «Какова судьба Гены Шлакова? Что станет с Андрианой, Егором Масленкиным? Хотите знать ответы на эти вопросы? Зайдите на сайт «Догсобакаповодокмиска», там их и найдете».

Я показала на конверт, который протянул мне Ферин.

– Раскрутка вашего интернет-портала? Однако дорого.

– Нет, – возразил Александр, – не о повышении посещаемости сайта идет речь, хотя оно тоже мне в плюс. Человек увидит объявление: «Покупайте товар нашей фирмы не менее чем на тысячу рублей и получите в подарок билет на шоу «Правда в лицо». Женщина, которая лично знает Наталью, Андриану и Гену Шлакова, откроет всем шокирующую правду».

Я не выдержала и расхохоталась.

– Простите за такую реакцию. Сколько лет даме?

– Она вполне еще молода, – не дрогнул владелец фирмы.

– Она медиум? Общается с духами? – веселилась я.

Александр Евгеньевич выключил экран.

– Виола, даже вам я не могу рассказать, что придумал. Но поверьте: шоу произведет эффект взорвавшейся бомбы. СМИ с цепи сорвутся.

Я взяла свою сумку с соседнего кресла.

– Как только вы повесите сообщение в Сети, мой телефон оборвут корреспонденты.

Я положила конверт с авансом в сумку.

– Спокойно говорите каждому представителю прессы: «Приходите на шоу и сами все увидите-услышите», – сказал Ферин.

– Надеюсь, что расчет оправдается, – вздохнула я, – иначе много денег улетит впустую.

Собеседник встал.

– В бизнесе всегда есть риск. Рекламную кампанию, которую мы придумали, еще никто не делал: книга и шоу с раскрытием секретов. Народ не прочь поучаствовать во всяких забавах вроде конкурсов. По нашим прикидкам, интерес к проекту будет огромным. Хотя все может и провалом обернуться. Но тут уж пан или пропал. Кто не рискует, тот не выигрывает. Трус не играет в хоккей. Ох! Самое главное забыл! Хорош гусь. Незадолго до вашего прихода я отчитал сотрудницу за то, что она ничего не помнит, а сам… Вы должны слить дезинформацию.

– Какую и кому? – деловито уточнила я.

– Расскажите заведующему архивом о книге, сюжет озвучьте, про шоу разболтайте. А потом «проговоритесь»: мол, знаете, какая дама выйдет на сцену сообщать нечто сенсационное – Елизавета Ферина.

– Ваша мама? – уточнила я.

Владелец фирмы потер ладони.

– Именно! И вы не солжете, она на самом деле покажется из-за кулис. Главное, постарайтесь побыстрей написать детектив. На календаре начало сентября, и если к пятнадцатому октября «Элефант» получит текст, то к Новому году книга появится в продаже, а Восьмого марта мы устроим шоу.

Я тоже поднялась.

– Вы же понимаете, что вместе с завершением шоу окончится и весь интерес к роману?

– Пиар-акция не может длиться вечно, – кивнул Ферин, – мы думаем, что название нашей фирмы «Догсобакаповодокмиска» будет муссироваться прессой с сентября, когда вы начнете раздавать интервью, до конца марта. И рассчитываем, что к началу апреля пожар, который вспыхнет в концертном зале в день женского праздника, утихнет.

Меня охватило любопытство.

– Где вы предполагаете провести спектакль?

Ферин пошел к двери.

– Выбираем между Кремлевским дворцом, «Олимпийским» и «Лужниками».

Я улыбнулась.

– Большой размах. А зачем вам господин Шлыков? Почему именно он выбран объектом слива дезинформации?

– Мы основательно готовимся ко всем проектам, – не упустил возможности похвастаться Ферин, – разрабатываем многоходовые комбинации, учитываем нюансы. Слышали о Леониде Сокине?

– Если речь идет о владельце газетно-журнального холдинга «Крот», то да, – кивнула я.

– У него теперь и телевидение работает, – добавил Александр. – У Сокина есть лучший друг – заведующий частным архивом Андрей Шлыков.

– Я расскажу ему про вашу мать, и историк, возможно, донесет приятелю о моей книге, Сокин опубликует информацию в своих СМИ, похвастается, что знает про Елизавету Ферину, – выстроила я цепочку. – Получится бесплатная реклама мероприятия. Но Шлыков может и промолчать.

– Вы мне сразу понравились способностью логически мыслить, – сделал мне комплимент бизнесмен. – Отправляю вас в архив за сбором материала, а слив инфы – просто приятный бонус. Не получится? Не страшно, у нас будут заряжены

СМИ. Но попробовать стоит. Всегда приятно получить пиар бесплатно.

– Я, конечно, могу увязывать некоторые события друг с другом, но дальше рассуждения «Крапива жжется, следовательно, лучше воспользоваться варежками» – мои способности не распространяются, – заметила я и ушла от Ферина с пухлым конвертом в сумке.

И вот уже третий день подряд я, Арина Виолова, сижу в комнате с женщинами, которые панически боятся господина Шлыкова и готовы исполнять все его идиотские распоряжения: носить при себе раскладную лопатку, ведро, мешок с песком, огнетушитель. А сейчас я и вовсе попала в идиотское положение: хозяин архива решил назначить меня заведующей. Он не понимает, что я не числюсь в штате его конторы?

Передо мной на столе возникла чашка с бледной заваркой.

– Чаек с чабрецом и медом, – сообщила Ира. – Не переживайте вы так, а то у вас прямо щеки позеленели.

Я сделала глоток.

– Спасибо, очень кстати чай пришелся. Глупо, однако, все получилось. Я понятия не имела об инструкциях, просто хотела выйти с бумагами в холл. А Шлыков все не так понял.

– Я здесь всего несколько месяцев, – сказала Ира, – но успела понять: с Андреем Николаевичем очень трудно работать. Шеф э… э… излишне нервный, даже истеричный. Я несколько недель назад по дури ему сказала: «Ой, какая у вас рубашка прикольная, в особенности на груди, где красные пятна». Вообще-то так не принято с начальником себя вести, но нас тут всего пятнадцать человек. И сорочка правда красивая. Необычная, хамелеон: под одним углом посмотришь – синяя, под другим – зеленая, а спереди на ней красные отметины, они не меняются. Супер просто! Сама б такую носила. После моих слов шеф на меня исподлобья глянул, ничего не сказал, в кабинет забился. Потом вызвал меня к себе и допрос устроил: «Почему ты сказала про рубашку? Она плохо на мне сидит? Я глупо в ней выгляжу? Что ты имела в виду, когда сказала, что рубашка красивая? Каков истинный смысл выражения? Намек на что-то, связанное с сорочками? Почему красный рисунок тебя так будировал? Он похож

на кровь?»

Я захихикала.

– Да уж…

Ира опять оглянулась на дверь.

– Прямо шиза! Думаете, этим разговором все ограничилось?

– Нет? – еще сильнее развеселилась я.

– Он еще неделю на меня косо смотрел, – вздохнула Бородулина. – Приглашал в кабинет, запирал дверь и вновь допрашивал: кто и что мне про его рубашку рассказывал? Отчего я красными пятнами заинтересовалась?

Ира закатила глаза.

– О боже! Я уже прокляла тот день, когда эту фразу выдала, мне до сих пор от нее икается. Во вторник в обеденный перерыв я пошла в супермаркет – до жути захотелось чаю с вареньем. Прямо до трясучки! Не с джемом, а именно с вареньицем, с жиденьким, как у бабушки. Купила клубничное, топаю довольная и налетаю у входа на Шлыкова. Я войти в архив собралась, а он выходил. Дверь у нас распахивается на улицу, Андрей Николаевич ее толкнул, а тут я прямо за дверью стою. Бумс! Кирдык банке, разбилась. Мешок в магазине дали хлипкий, он порвался, и варенье начало капать. Шеф на крыльцо выплыл, я его предостерегаю: «Осторожно, не испачкайтесь». Он на меня уставился, а я продолжаю: «Варенье тут на полу. Наступите в него, перемажетесь, а то и поскользнетесь, упадете». Шлыков вниз посмотрел, в лице переменился и молча мимо прошел. Нет бы мне в архив войти, уборщицу позвать, тогда бы и делу конец. Но я же, балда, увидела, что босс низ брючины запачкал, и в спину ему крикнула: «Андрей Николаевич, варенье на штаны попало». Он обернулся: «Кто? Куда?» Вид у него реально безумный. Но меня, глупую, не остановило выражение его лица, я повторила: «Варенье, вы им замарались». Шлыков почему-то посмотрел на свою грудь. А дальше у нас состоялся и вовсе потрясающий диалог. Он из себя выдавил:

– Чем?

– Вареньем, – ответила я.

– Чем?

– Вареньем.

– Каким?

– Клубничным.

– Где?

– Брючина внизу.

Шлыков развернулся и чуть не бегом умчался. Славненько так погутарили. И что дальше? Догадайтесь.

– На следующий день босс вызвал вас и устроил вам допрос? – предположила я.

Ирина захлопала в ладоши.

– Браво! Точно, маразм повторился. Я в его кабинете надолго застряла. Идиотские вопросы так и сыпались! «Почему вы сказали про варенье?» «Кто вам говорил о красном сиропе на моей одежде?» «Ваши слова про красивую рубашку как с джемом связаны?» «На что вы намекали, говоря о брюках?» У меня дикая мигрень началась, я в туалет попросилась, а Шлыков прищурился: «Зачем вам туда?» Оцените вопрос. Супер, да?

– Отлично звучит, – согласилась я. – Что вы ответили?

Ирина сделала глоток из своей чашки.

– Призналась честно: мол, голова раскалывается, тошнит.

– И босс поинтересовался, не он ли причина позыва к обратной перистальтике? – высказала я очередное предположение.

Ира захихикала.

– Угадали.

Я ничего не сказала Бородулиной, но и на меня Шлыков при нашей первой встрече произвел более чем странное впечатление. Как выяснилось, в читальном зале архива, то есть за столом, который расположен в комнате под названием «библиотека», может сидеть любой человек. Надо лишь заплатить в кассу энную сумму, что я и сделала. Но вот документы выдаются лишь по разрешению заведующего, и я отправилась к Андрею Николаевичу. Тот сначала вполне приветливо сказал: «Рад помочь известной писательнице». Но когда я, выполняя условие контракта с Фериным, сообщила, что именно тот посоветовал мне обратиться в хранилище, Шлыков стал выяснять, сколь близко я знакома с бизнесменом. Любопытство его граничило с неприличием. И он отказался выдать мне нужные материалы, пока я не изложу ему сюжет будущей книги. Конечно, я была довольна, потому что сделала все, как велел заказчик. Но Шлыков вел себя очень странно.

Голос Бородулиной вывел меня из воспоминаний.

– И такому неадекватному мужику дали разрешение на ношение оружия! – негодовала Ира.

– У Шлыкова есть пистолет? – поразилась я. – Зачем он ему?

– Неужели наш великий босс не сообщил вам о своих успехах в тире? – захохотала Бородулина. – Удивительно. Ну ничего, скоро он вас замучает рассказами. Оказывается, наш шеф, этот вождь архивных нетопырей, со школьных лет занимается стрельбой по мишеням. Даже медали какие-то имеет. И дома у него коллекция пистолетов. Настоящих. Недавно он новый приобрел, всем его фото демонстрировал.

– Никогда бы не подумала, что Шлыков хороший стрелок, – поразилась я, – он… э…

– Идиот? – хихикнула Ира. – Именно! А еще неудачник и кретин. Такие вот мужики чаще всего и заводят себе огромадных полканов для охраны, мощные джипы для понта, а заодно собирают то, что стреляет. Это как компенсация, что ли: ничего, что сам мокрица, зато вон чего имею.

Глава 6

– Денек сегодня нервный, – сказала Вера Васильевна, возвращаясь в комнату, – надо его подсластить.

Никитина открыла свой стол и вытащила коробку конфет.

– Давайте чайку, что ли, попьем.

– С удовольствием, – улыбнулась я.

Ира наклонилась над коробкой.

– Можно взять одну штучку?

Заведующая пододвинула к ней поближе конфеты.

– Конечно. Самые вкусные, на мой взгляд, круглые, они с шоколадной начинкой.

– Я люблю белую, – призналась Бородулина, – но с ней теперь редко ассорти делают. Во времена моего детства наоборот было – шоколадного наполнителя кот наплакал, зато варенья и помадки много. Виола, а когда вы маленькой были, какие вам больше всего конфеты нравились? Меня мама вечно укоряла. Поднимет крышку, а в ячейках штук пять-шесть надкушенных бонбошек – это я постаралась, искала ту, что с жидкой помадкой.

– Я обожала карамельки, ягодные, – честно ответила я, не упомянув, что тетке Раисе, которая меня воспитывала, «Белочка» и «Мишка на Севере» были просто не по карману. Да и карамельками она меня не часто угощала, их я получала,

как правило, на Новый год. Дед Мороз приносил малышке Виоле картонную упаковку, в которой были пачка печенья, несколько мандаринок, штуки три «Кара-Кум», соевый батончик, вафли… Восторг, который я испытывала, открыв подарок, не сравним ни с чем.

Но самый роскошный презент – здоровенную дорогую коробку – мне вручил на день рождения Степан Дмитриев, главный хулиган нашего района, шестнадцатилетний парень, которого побаивались даже взрослые мужики. Один раз мы со Степой утром видели, что тетя Люся со второго этажа вышла во двор с подбитым глазом, а во рту у нее вместо двух передних зубов зияла дыра. Бабы на лавочке сочувственно зацокали языками.

– Люська, опять Колька руки распустил? Гони его взашей!

– Детей без отца не хочу оставлять, – грустно сказала избитая соседка. – Коля вообще-то хороший, просто у него работа нервная. Он начальника возит, а тот к нему вечно придирается. Муж боится без работы остаться, а тут я с просьбой Ленке ботинки купить не вовремя подоспела.

Вечером того же дня я, девятилетняя, шла домой с пакетом картошки и увидела, как в арке нашего дома Степан держит за шиворот Николая, мужа Люси. Здоровенный Дмитриев энергично встряхивал тщедушного мужика и говорил:

– Ну давай стукни меня… Трусишь? На жене кулаки тренируешь? Если еще раз Людмила Ивановна с бланшем появится, я тебя урою. И ни одна собака не найдет, куда ты подевался. Тимирязевский лес большой, закопаю, и привет!

Больше тетю Люсю фингалами не украшали, зубы у нее оставались на месте, и она хвасталась соседкам:

– Мой-то прям шелковый стал. За котлеты хвалит, Люсенькой называет. Начальник у него женился, наверное, перестал на мужа орать.

Люся так никогда и не узнала, что за нее заступился местный хулиган. А со Степаном Дмитриевым мы случайно встретились, когда стали совсем взрослыми, и я скоро выхожу за него замуж. Вот такой зигзаг. Ну да я уже один раз историю нашего второго знакомства рассказывала, повторяться не стоит…

Дверь приоткрылась, в комнату вошла Лена.

– Чай пьете? Мне тоже охота.

– Садись, – предложила Вера Васильевна, – конфеты очень вкусные.

– Восторг! – похвалила угощение Лена, засовывая себе в рот сначала одну, потом вторую, затем третью шоколадку.

– Не мое дело, конечно, но тебе станет плохо, – заметила Бородулина.

– Обожаю сладкое, – призналась Лена и опять запустила руку в коробку.

– Если столько жрать, зачем сидеть на диете? – хмыкнула Ирина.

– Обойдусь без советов, – огрызнулась Рябцева.

– Просто странно мне, – не утихла Ира. – Ты постоянно стонешь про лишние килограммы, всем надоела рассказами о том, как годами одной капустой питаешься, а сейчас пылесосом втягиваешь шоколадное ассорти. Где логика? Вон уже девятую по счету конфету в рот запихнула. Опять растолстеешь и прыщами покроешься.

Елена покраснела.

– Отвали!

В комнату вошла Наталья Владимировна.

– О, чаек! И конфеты! Верочка, с прошедшим днем рождения. Тебе понравилась вазочка, которую мы тебе вчера подарили?

– Она великолепна, – закатила глаза Никитина. – Наверное, ты сама ее в магазине выбирала?

– Нет, Ириша купила, – возразила Наталья, – я лишь идею подала.

– А-а-а, – протянула заведующая.

Ира мигом переключилась с Лены на начальницу.

– Вера Васильевна, вы недовольны, что подарок от коллектива приобрела я?

– Ваза очаровательна, спасибо вам, – вежливо поблагодарила Никитина.

Но Ира не успокоилась.

– К чему тогда ваше «а-а-а» относилось? Только не изображайте сейчас любовь ко мне. Отлично знаю, вы меня ненавидите и сдержаться от злобы при виде меня не можете. Дурацкая ваза вам нравилась, пока вы думали, что ее Калинина выбрала. А раз я постаралась, то «а-а-а». Вы правы, дешевку вам вручили, стыдно ее дома ставить. Но в комнате нашей одни жлобы сидят. Уж как Ленка ныла: «Зачем Верке подарок покупать? Деньги на него надо сдавать, а я больше двухсот рублей не найду». Зато сейчас она ваши конфеты хавает, вон сколько уже сожрала. Эй, не стоит сладкое так уминать! И вам, Вера Васильевна, тоже лучше четвертую шоколадку выплюнуть, вы же и без нее прямо куча сала.

Я с изумлением слушала Бородулину. Кто бы мог подумать, что в милой с виду, дорого и модно одетой девушке столько злости?

Дверь библиотеки открылась, появился подросток.

– Здрассти, – промямлил он.

– Вадик? – удивилась Вера Васильевна. – Вот сюрприз.

– Офигеть можно от радости, – скривилась Ира.

– Ой, а кто это к нам пришел? – решила затоптать огонек скандала Лена.

– Меня зовут Вадим Никитин, – представился мальчик, – я зашел к маме, потому что она забыла мне деньги на экскурсию дать. А мы завтра идем в планетарий. Мам, дай две тысячи. Если сегодня их не внесу, меня завтра не возьмут.

– Дорого-то как, – возмутилась Никитина.

– Мы потом двинем в кино и кафе с ребятами, – объяснил сын, – у нас день рождения гимназии, его каждый класс весело отмечает.

– А взрослым еще на две тысячи раскошеливаться, – вздохнула Вера Васильевна. – Во времена моего детства в день именин школы устраивали субботник. И детей к труду приучали, и родителей не разоряли.

– Во времена твоего детства еще электричество не придумали, люди на лошадях ездили, – буркнул Вадим. – Если дорого, я могу не идти. Мам, откуда эти конфеты?

– Я из дома принесла, девочек решила угостить в связи с моим прошедшим праздником, – объяснила мать.

Вадим нахмурился.

– «Ассорти» я тебе подарил. А ты посторонним его отволокла. Не ешьте конфеты, я их маме на свои сбережения купил.

– Какой жадный мальчик! – ехидно заметила Ира. – Сразу видно, как он прекрасно воспитан, весь в мать.

– Ты сын Веры Васильевны? – защебетала Леночка, которая, похоже, опять решила заглушить скандал. – Ой, совсем на мамочку не похож. Наверное, ты в папу, мальчик, да?

– Никогда не видел своего отца, – парировал подросток, – у меня его нет.

– И не было, – процедила Ирина, – непорочное зачатие.

– Что вы имеете в виду? – взвизгнула Вера Васильевна. – На что намекаете?

Ирина встала.

– Мне не свойственно намекать, я всегда говорю прямо. Вам на вид шестьдесят пять. Неухоженная кожа, морщины, волосы всегда сальные, фигура – как автобусная остановка. А мальчику, похоже, четырнадцать.

– Пятнадцать, – уточнил Вадим.

– Без разницы, – отмахнулась Ира. – И когда взрослые разговаривают, дети молчат. Маловероятно, что на госпожу Никитину какой-то мужчина в такие ее годы польстился. Но сын есть. Либо он приемный, либо имело место непорочное зачатие. Лучше первый вариант. Потому что я слышала лишь об одном опыте беременности от голубя, и плод той любви погиб на кресте. Правда, говорят, он воскрес, да я в это не верю. Вы, госпожа Никитина, злая и завистливая, поэтому меня гнобите. Вам поперек горла красивая одежда, дорогая машина, молодость и моя красота, у вас-то ничего подобного не было и не будет. Никогда. Ваш поезд ушел и в овраг свалился.

– Шлюха! – выкрикнула Вера Васильевна. – Ходит тут, задом вертит…

Ира рассмеялась.

– Вот она, аптекарски чистая зависть в концентрированном виде! Да, есть мужчина, который за мою молодость и красоту делает мне подарки. Да, я не нуждаюсь. Да, Андрей Николаевич Шлыков тоже не прочь меня к себе в постель уложить, но я с нищими не связываюсь. И да, я останусь до ста лет красивой, модно одетой, а вам остается дерьмовый шоколад жрать да задницу растить.

Последние слова Бородулина договорила, уже выходя в коридор. Пару секунд после ее ухода в кабинете стояла тишина, потом Вера Васильевна схватила со своего стола ножницы и бросилась за Ириной.

– Мама! Она ее убьет! – напряженно прошептала Елена и кинулась за заведующей.

Наталья Владимировна поспешила за Рябцевой.

Вадим стоял молча. Я не понимала, как лучше поступить: сделать вид, будто ничего не случилось? Сесть за стол и начать изучать материал об образовании

девочек на Руси в прошлые века? Или попытаться поговорить с мальчиком? Сказать ему: «Неприятная история случилась, но ведь у каждого могут сдать нервы»?

– Маме сорок пять, – неожиданно произнес Вадим.

– Правда? – поразилась я. Тут же опомнилась и воскликнула: – Я думала, ей сорок один, она молодо выглядит.

Вадик сел за стол заведующей.

– Можете не стараться, мать похожа на древнюю бабку.

И тут в моем кармане запел телефон. Никогда еще я так не радовалась звонку, даже не посмотрев на экран, быстро сказала в трубку:

– Слушаю.

– Госпожа Тараканова? – спросил звонкий мальчишеский голос. – Игорь Сергеевич Рукавкин. Можете прямо сейчас сюда подойти?

– Кто вы и куда меня зовете? – поинтересовалась я.

– Убойный отдел. Владелец кафе сообщил, что вы находились около трупа, когда он перестал дышать. Жду вас на месте преступления.

– Через пять минут прибегу, – пообещала я и поспешила в заведение, где не так давно пила чай и беседовала с хозяином.

А там увидела за столиком какого-то парнишку, с виду восьмиклассника.

– Имя, отчество, фамилия, – сурово скомандовал он.

Я села напротив юноши, который изо всех сил пытался выглядеть опытным следователем, раскрывшим тысячу дел.

– Виола Ленинидовна Тараканова.

– Хозяин слепой, – продолжал юнец, – а вы нет.

– С этим не поспоришь, – согласилась я, – у меня хорошее зрение.

– Опишите мужчину!

– Кого вы имеете в виду? – удивилась я. – Покойника?

– Нет, того, кто на него напал.

Меня охватило изумление.

– Несчастного лишили жизни?

– Угу, – кивнул полицейский. – Это был мужчина в черном пальто. Так медик со «Скорой» сказал.

Я растерялась.

– Я выбежала на улицу, потому что услышала женский крик: «Помогите!» Посетитель кафе в тот момент уже лежал на тротуаре. Больше никаких мужчин в поле моего зрения не наблюдалось. Улица тихая, ни одного пешехода на тот момент не было.

– Значит, мужика в пальто вы не заметили? – прищурился «Шерлок Холмс».

– Нет, – решительно ответила я. – Если врач вам про него сообщил, то он что-то напутал. Я ушла до того, как приехала «Скорая», медик никак не мог видеть момент нападения.

– Да господин следователь это придумал, – вдруг сказал хозяин кафе, который стоял за стойкой. – Мне ту же чушь гнал. Проверяет таким образом свидетеля на вранье – солжем, что видели мужика, или нет?

– Интересная методика опроса, – хмыкнула я, – оригинальная.

– У каждого свой стиль работы, – гордо заявил Рукавкин. – Мой богатый личный опыт подсказывает, как с кем говорить. И вообще, отвечайте на вопросы. Коротко и по существу. Ваше ФИО! Полное! И адрес по прописке!

– Виола Ленинидовна Тараканова, – повторила я.

Парень закатил глаза.

– Со свидетелями бочка терпения требуется! Не ваше. Его.

– Чье? – окончательно растерялась я. – Владельца кафе? Он сам может представиться. И мне неизвестно, где Кирилл живет.

– Да нет, другого надо, – поморщился Игорь Сергеевич, – мертвяка.

Капотов закашлялся, я же ответила:

– Понятия не имею, что значится в паспортных данных умершего.

– Почему? – задал гениальный вопрос Рукавкин.

Кирилл издал стон.

– Мы с ним не знакомы, – пояснила я.

Игорь почесал переносицу.

– Не верю. Вы сидели рядом.

– За разными столиками, – уточнила я.

– И не общались?

– Нет.

– Почему?

Ну как ответить на этот вопрос?

– Я не знакомлюсь со всеми, с кем оказываюсь в одном кафе.

Рукавкин сделал пометку в своем блокноте.

– Странно, однако.

Похоже, парень собрался продолжить допрос, но ему помешал телефонный звонок.

– Вечно меня прям на части рвут… – пробормотал «опытный» полицейский. – Алле! Здрассти. Сколько раз просил – не мешай! Дело веду. Ох, простите, Анна Сергеевна, у вас голос, как у моей матери. Свидетеля опрашиваю. Все понял. Бегу.

Игорь положил трубку на стол, схватил блокнот, диктофон…

– Вилка, хотите кофе? – спросил Кирилл.

Я подошла к стойке и села на высокую табуретку.

– Лучше марокканский чай. Он у вас есть?

– Конечно, – улыбнулся Капотов и взял стакан, – пара минут, и все будет готово. Слава богу, дурачок ушел. Бьюсь об заклад, он в отделении первый час работает.

Я обернулась и увидела пустой столик.

– Ну и слух у вас – я не уловила звука шагов. «Великий сыщик» как кошка ходит, бесшумно. Ой!

Я схватилась за край стойки.

– Чуть не упала.

– К сожалению, все высокие табуреты неустойчивы, – испугался Капотов, – с непривычки можно свалиться. Лучше за столиком устройтесь, а я сейчас.

Кирилл взял телефон и нажал на экран.

– Алло! Приветик. Слушай, что там у тебя в отделении творится? Ко мне приходил некто Рукавкин… Да, у меня. Нет, уже удрал. А-а-а… Ага, ясно. Так я и подумал.

Я не стала спрашивать, каким образом слепой Кирилл может за считаные секунды найти нужную информацию в контактах. Капотов же отложил трубку и пояснил:

– Начальник местного отделения полиции – мой сосед по дому, постоянный клиент и товарищ. Досточтимый и только что покинувший нас Игорь Сергеевич принят на работу три недели назад. Его пока посылают на задания в паре с опытным коллегой. Но позавчера почти весь состав отделения подкосила желудочно-кишечная инфекция, народ слег: тошнота, понос, температура под сорок. На службе осталось несколько человек. А поскольку «Скорая» не заметила при осмотре тела ничего криминального и предварительная причина смерти – инсульт, то в кафе отправили Рукавкина. Одного. Задачу ему поставили простую – выяснить, является ли покойный постоянным клиентом кафе или зашел случайно, платил кредиткой или наличкой. Понимаете, да?

– Конечно, – ответила я, принимая из рук Капотова стакан с чаем, – нужно установить личность умершего. Но вы помочь не смогли.

– Увы, нет, – печально согласился хозяин. – Наша жизнь такова, что лучше иметь при себе документы. Ведь всякое может случиться.

– У посетителя не было паспорта? – уточнила я.

– Ни прав, ни служебного пропуска, ни визиток, – перечислил Кирилл, – ничего, что могло бы помочь идентифицировать его личность.

– Вроде я видела у него мобильный, – пробормотала я, – в его контактах надо порыться.

– Сотовый не нашли, – пояснил Капотов.

– Одна надежда, что родственники всполошатся, когда он вечером домой не вернется, – вздохнула я. – Бедные жена и дети, если они есть, конечно. Проводили здорового главу семьи на работу, а тот вдруг умер. Очень тяжело, когда человек долго болеет, но в этом случае родные успевают морально подготовиться к его уходу. А когда вот так, как кирпич на голову, ужасная весть падает…

– Думаю, он холостяк, – заметил Капотов.

– Вы по-прежнему уверены, что отсутствие бесконечных звонков от жены является свидетельством того, что мужчина живет один? – спросила я. – Вот лично я никогда не дергаю близкого мне человека по пустякам. И многие женщины именно так себя ведут.

– Почему-то мне кажется, что мой посетитель не женат, – упорствовал Капотов, – но по какой причине я так считаю, объяснить не могу.

С улицы понесся протяжный вой сирены.

– «Скорая» мчится, – встрепенулся Капотов, – кому-то плохо стало.

Меня отчего-то охватило странное беспокойство.

– Пойду уже, пожалуй, в архив.

– Заглядывайте почаще, – предложил Кирилл, – десять процентов скидки вам за любой чек.

– Спасибо, – поблагодарила я, – но пока я не заслужила столь щедрого предложения. Всего-то один раз к вам зашла.

– Два, – поправил Кирилл. – Но сейчас марокканский чай за счет заведения. Да, госпожа Тараканова – не постоянный клиент, но мы с вами пережили сегодня стресс. Это сплачивает.

Глава 7

Войдя в библиотеку, я обнаружила там рыдающую Наталью Владимировну, бледную Иру и красную потную Веру Васильевну.

– Вилка, ты где пропадала? – забыв о том, что до сих пор мы были на «вы», спросила Бородулина.

– В кафе, – ответила я. – Там сегодня мужчина умер. Вернее, он скончался на улице, когда вышел. Хозяин заведения слепой и…

– Да знаем мы Кирилла, можешь не пояснять, – махнула рукой Ира. – Во денек сегодня! Сплошной нервяк!

– Жарко, – сказала заведующая, – окно… распахните…

Ирина зло посмотрела на Никитину, но потом вскочила, бросилась к раме, распахнула ее и осведомилась:

– Лучше теперь?

– Да, да, да, – залязгала зубами Вера Васильевна, обхватывая плечи руками, – только дует очень… Простите, Ирочка… не сердитесь… задергала я вас… что-то плохо мне… то жарко, то холодно… то… уфф…

Щеки Никитиной побелели, она открыла ящик стола и воскликнула:

– Мое лекарство! Его нет!

Я поняла, что Никитиной плохо, и предложила:

– Скажите название, я сбегаю куплю.

– Оно строго по рецептам, – с трудом прошептала Никитина, – так не дадут. Даже вам… нельзя… У меня букет недугов… аллергия… сильная… и щитовидка… гормоны играют… климакс ранний начинается… наверное… Шприц всегда со мной… я его в стол кладу, в коробочке… а сейчас там его нет… Девочки… я умираю…

Никитина судорожно вздохнула и уронила голову на стол, послышался звук глухого удара.

– Нет! – истерически закричала Наталья Владимировна. – О нет! Еще и она? Ну нет же! Нет!

Заместительница заведующей икнула пару раз и тоже свалилась торсом на документы, лежавшие перед ней.

– Сделай одолжение, не шлепнись в обморок, – приказала мне Ирина. – Ну и денек, блин!

Я вынула телефон.

– Вызову «Скорую» для Веры Васильевны. Ей, похоже, очень плохо, вон вся кофта от пота промокла. А ты займись Натальей. Что у вас тут произошло, пока я в кафе бегала?

– Лена ела-ела конфеты… – начала Ирина.

Но я услышала голос диспетчера и быстро сказала в трубку:

– Пожалуйста, пришлите машину, женщине дурно.

Оператор задала мне пару вопросов и пообещала:

– Будет «Скорая». Точный адрес назовите.

Я взяла со стола бумажку и начала читать:

– Улица Костенко, дом шесть, архив…

– Так от вас буквально пять минут назад бригада отъехала, – перебила меня девушка.

– Да? – удивилась я. – Простите, не знала. Никитина только что сознание потеряла, а еще Калинина тоже без чувств.

– Она очнулась, – радостно сообщила Ира, – Наташа, выпей водочки.

– Нет! Она отравлена! – завопила Наталья Владимировна. – В кабинете кругом яд разлит! Рассыпан! Мы все умрем! Как Лена! Вирус! Теракт!

Рябцева закатила глаза, но Ира быстро потрясла ее за плечи.

– Хватит идиотничать, возьми себя в руки.

– Что у вас там происходит? – непрофессионально занервничала диспетчер.

– Сама не знаю, – честно ответила я, – поторопите бригаду.

– Уже едет, – сказала девушка и отсоединилась.

До приезда «Скорой» Ира обнимала рыдающую Наталью Владимировну и по-матерински вытирала слезы, потоком катящиеся из ее глаз. А я, ощущая себя полной идиоткой, обмахивала газетой Веру Васильевну, которая периодически открывала глаза и стонала.

– Что тут у вас случилось? – начала возмущаться с порога полная женщина с чемоданчиком в руке. – Опять вызвали!

– Ксения, перестань, – велела другая тетка и посмотрела на нас с Ирой. – В чем проблема?

– Сами не видите? – обозлилась Бородулина. – Обморок с истерикой.

– Видим, – спокойно сказала врач, – но хочется понять: из-за чего женщины так себя ведут?

– Мое лекарство… – еле слышно прошептала Вера Васильевна. – Аллергия… отек… задыхаюсь.

– Ксения, готовь укол, – приказала доктор, наклоняясь над Никитиной.

Медсестра подскочила к заведующей со шприцем в руке.

– Готово, Анна Семеновна.

– На что у вас бурная реакция? – поинтересовалась врач, глядя, как Ксения вводит лекарство.

– Клубника, – прохрипела та, – в любом виде… варенье… свежая… сушеная…

– Ели ягодный джем? – уточнила врач.

Вера Васильевна кивнула.

– Глупее ничего не придумали? – еще сильнее разозлилась медсестра Ксения. – Знаете ведь, что нельзя, а жрете!

Никитина показала на коробку.

– Конфеты… ромбовидные… а оказалось в треугольных… не в круглых…

Анна Семеновна нахмурилась.

– Давно она бредит? Ксения, дай второй, которая рыдает, валерьянки.

– Вера Васильевна в полном разуме, – начала объяснять Ира. – Мы тут немного понервничали, поспорили, поцапались. Потом, когда Виола ушла, все успокоились, друг перед другом извинились, сели опять чай пить. Заведующая сказала: «Мне вчера две такие коробки подарили. Одну мы уговорили вечером, поэтому я точно знаю, где какая начинка». Взяла ромбовидную конфету, объявила, что в ней пралине, и слопала. Потом еще одну и еще… Короче, штуки три съела. И мне предлагала. Но я случайно увидела сбоку коробки надпись, мол, в составе конфет присутствует пальмовое масло, и отказалась, поскольку его не ем. А Никитина еще пару конфет слопала. Лена от нее не отставала. Мы же с Натальей Владимировной ассорти не трогали. У Калининой-то диабет. Потом Никитиной надоело пралине, и она сказала: «Возьму треугольную, там точно нет джема». И всю конфету целиком в рот запихнула. Начала жевать и за горло схватилась.

– Клубника!

Медсестра вытащила из упаковки шоколадку и разломила ее.

– Точно, варенье.

– Вера Васильевна, – укоризненно сказала врач, обращаясь к заведующей, – нельзя быть такой беспечной. Знаете же про свою аллергию!

– Так вчера в такой же коробке в круглых бонбошках были марципаны, – прошептала Никитина.

– Вот безобразие! – возмутилась Ксения. – Выходит, на фабрике не следят за тем, что куда суют. Сегодня здесь ягодный наполнитель, а завтра помадка. Вау! Да тут не клубника!

Я посмотрела на разломанную конфету.

– Вроде варенье.

– Да, но светлое совсем, почти прозрачное, не красное, – заметила медсестра. Затем тронула вытекшую массу пальцем и поднесла ее к носу.

– Ананас! Точно он. Ненавижу все с этой отдушкой. А производители сейчас ее повсюду суют.

– Еще банановый, – скривилась Ирина, – гаже которого ничего нет.

– Есть, – захихикала Ксения, – ананасовый.

Я повернулась к Вере Васильевне.

– На заморский фрукт у вас тоже аллергия?

– Только на клубнику, – еле слышно пролепетала Никитина.

– Значит, причина недомогания не конфеты, – сделала я вывод, – в них ананасовая начинка.

– Всегда носите при себе шприц с лекарством, – посоветовала Анна Семеновна. – Странно, что вас доктор не предупредил.

– Шприц со мной, – запричитала Никитина, – должен в столе лежать, но сейчас куда-то пропал.

Врач «Скорой» села на стул.

– Так… Ну-ка, давайте разберемся! У вас антигистаминный препарат пропал?

Заведующая развела руками.

– Да.

– Каким образом? – продолжала допрос врач.

Никитина задумалась.

– Ну… не скажу. Я им давно не пользовалась. Шприц был в коробочке в ящике стола. Крышку я не снимаю – зачем без надобности? А сегодня полезла за ним – а там пусто.

Анна Семеновна встала.

– Я обязана сообщить об этом в полицию.

– Что? – опешила Ирина.

Доктор показала пальцем на конфету.

– Ананас. А у больной аллергическая реакция на клубнику. Лекарство же испарилось. Тут ясно как день: кто-то решил устроить Вере Васильевне отек Квинке.

– Доктор, не впадайте в шизу! – засмеялась Ира. – Если намекаете, что конфеты отравлены, то зря. Мы с коллегами не очень-то друг друга обожаем, готовы спорить по любому поводу. Но вредить здоровью никто не решится. Здешний электорат исключительно языками машет. Или в крайнем случае бежит жаловаться заведующему. Травить кого-то не наш стиль.

– Простите, конечно, но я что-то не поняла, – тихо пролепетала Наталья Владимировна. – У Веры Васильевны аллергия на клубнику, и все о ней знают, Никитина же каждый день о своей болячке говорит. Вчера заведующая чуть Ларису из бухгалтерии не растерзала – та купила парфюм с ароматом клубники. Но почему ей от ананаса плохо стало? Она его спокойно ест. Более того, всегда берет йогурт с ним. Мы почти подруги, я ее вкусы отлично знаю.

Медсестра кивнула.

– О! Не в бровь, а в глаз вопрос. Возможно, психосоматика сработала: больная была уверена, что какая-то конфета с вредным для нее содержимым, откусила, ощутила на языке варенье, мозг тут же подсказал – клубника, аллергия. И получите отек Квинке. Один наш преподаватель на лекции как-то раз нагрел на глазах у будущих медсестер монетку, вызвал к себе студентку, велел ей на секунду закрыть глаза, живо подменил горячий кругляш на такой же холодный и

велел девушке его взять. Та схватила денежку, вскрикнула, уронила. На пальцах у нее образовался ожог. Педагог объяснил: «Она была уверена, что монета раскалена, и получила травму от вещи комнатной температуры». С аллергией так же бывает. Никитина ощутила на языке варенье, решила, что оно клубничное – и ку-ку…

– А-а-а, ясно, – протянула Наталья Владимировна. – Интересно. Поучительно.

Доктор свела брови в одну линию.

– Недавно из этого кабинета увезли девушку, которой тоже плохо стало.

– Неудивительно, – перебила ее Ира, – Ленка ведь сожрала столько конфет. Я ее останавливала, а толку?

– Не нравится мне все произошедшее, – еще сильнее нахмурилась Анна Семеновна. – Как мой муж говорит: «Если отец в понедельник умер, грибков поев, а потом во вторник и бабушка лисичками отравилась, то к гадалке не ходи, это непростая ситуация».

– Супруг у нашей Анны Семеновны – лучший в России полицейский, – с жаром заявила Ксения. – Ас! Мастер! Летчик наивысшего пилотажа!

– Воздушный полицейский? – удивилась Вера Васильевна и громко икнула. – На самолете над Москвой летает?

Ира надула щеки, я стала отступать спиной к двери.

– Это было идиотическое выражение, – пояснила медсестра.

– Это точно, – изо всех сил пытаясь не рассмеяться, согласилась Бородулина. – Лучше и не высказаться, именно идиотическое выражение.

– Идиоматическое, – машинально поправила я.

– Чего? – жалобно спросила Наталья Владимировна.

Я осторожно нажала на дверь главным рабочим органом писателя – местом, на котором ему следует весь день сидеть, а не бегать незнамо где.

– Идиоматическое выражение – это фраза, о значении которой трудно догадаться, рассматривая значения отдельных слов, из которых она состоит, – объявила Ирина.

– Говорю же, идиотизм, – кивнула Наталья Владимировна, – чушь. Как можно понять предложение целиком, если не видишь смысла в каждом слове?

– Это как депутата слушать, – пояснила Бородулина.

Я изо всех сил толкнула дверь, очутилась в коридоре и выдохнула. Слава богу, все живы, Вере Васильевне сделали укол, и она пришла в себя, а Наталья Владимировна перестала рыдать.

И тут у меня зазвонил телефон.

Глава 8

– Вилка! Привет! – зачирикал знакомый голос.

– Валюша! – обрадовалась я. – Как дела?

– Супер, все отлично, – ответила Федякина. – Что вечером делаешь? Только не говори, что работаешь!

– Не стану, – пообещала я, – никаких планов нет.

– Может, Степа чего придумает? – продолжала Валентина. – Он на такие штучки мастер. Купит, скажем, билеты в театр.

– Нет, – возразила я, – мы с Дмитриевым решили пока не ходить на спектакли. Отправились смотреть «Вишневый сад» и увидели диво дивное: Фирса[4 - Фирс –

персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». Очень пожилой, даже дряхлый мужчина. (Здесь и далее прим. авт.)] играла актриса лет двадцати, которая ходила по сцене голой.

– Совсем без ничего? – поинтересовалась Валя.

– В стрингах, – уточнила я.

– Кстати, как только их носят? – удивилась Федякина. – Я пробовала пару раз – жутко некомфортно. И зачем вообще нужны трусики, которых, считай, нет?

– Тебя смутил только вид белья? – хихикнула я. – Голый двадцатилетний Фирс женского пола не удивил? Но эта девушка хоть была красивой. А вот Аню[5 - Аня – дочь помещицы Раневской. Героиня семнадцати лет – персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад».] изображал мужчина лет шестидесяти пяти.

– Тоже в трусах с ниткой на попе? – обрадовалась Валя.

– В кальсонах, – пояснила я, – низ прикрыт, а весь верх наружу. Поэтому в театр мы больше ни ногой. Сейчас, оказывается, модно переписывать классику и ставить ее авангардно. Кстати, Степан не в России, он в командировке в США.

– Исходя из услышанного, делаю вывод: ты вечером свободна! – заликовала Федякина.

Меня насторожил ее ничем не прикрытый восторг.

– А что?

– Вилка! Ты моя лучшая подруга!

Я подавила горестный вздох. Если у вас сначала настойчиво выясняют, как вы хотите провести вечер, а потом делают программное заявление насчет лучшей подруги, то следующим предложением окажется…

– Помоги, умоляю! – заныла Валентина.

Вот-вот, именно эти слова я и ожидала услышать. А путей к отступлению нет. Я попала в предусмотрительно поставленный Федякиной силок, она в курсе: вечер у меня ничем не занят, Степы в Москве нет.

– Выручи! – продолжала подруга. – Век благодарить буду!

– Ты еще в Индии? – поинтересовалась я.

– О боже… Да!

– Вроде хотела в среду вернуться. Чего задержалась-то? – удивилась я.

– Точно, прямо мечтала улететь, – рассердилась Федякина. – Но в этом жутком месте сломалась единственная лодка, на которой надо до аэропорта плыть, и они ее чинили. Чтобы я еще раз отправилась в эту глухомань? Никогда!!!

Я села на стул, который кто-то выставил в коридор.

Валентина окончила иняз, знает в совершенстве четыре европейских языка. В те времена, когда мы еще не знали друг друга, она пыталась работать в разных местах – возила иностранных туристов по городам и весям России, переводила художественную литературу, преподавала в вузе. Но везде мало платили и наваливали гору обязанностей. Удача, как всегда, пришла случайно – у Валюши случился роман с Николаем Роминым. Богатый и холостой Коля не имел за плечами ни бывших браков, ни армии детей от любовниц. Прекрасный вариант для любой девушки! Но в каждом сладком яблочке живет червячок, а если его нет, значит, фрукт ядовитый.

Коля пригласил Валю провести выходные у него в поместье, и там невеста познакомилась с будущей свекровью. Через два дня Федякиной стало понятно: Ромин-то ей по всем статьям подходит, а вот его мама… Елена Федоровна писала стихи, рисовала картины, играла на скрипке, курила длинные сигареты в мундштуке, на обеих руках дамы звенело штук по двадцать этнических браслетов, а в гости к ней ежедневно наезжало с десяток приятельниц, похожих на хозяйку, как куриные яйца друг на друга. Поэтесса – чаще всего существо, неспособное думать о быте, у Николая в поместье была тьма прислуги. Ромин азартно двигал бизнес, его маманя сочиняла вирши, которые любящий сын выпускал за свой счет в роскошных кожаных переплетах с золотыми обрезами, а

горничные, кухарка, садовник и прочая дворня творили тем временем что хотели. Денег на еду утекало море, постельное белье было сырым, а на сорочках Коли посередине рукавов всегда шла складка.

Валентина сразу поняла, что происходит у Роминых. Но она же не хозяйка, не имеет права делать замечания стае вороватых и ленивых слуг. Однако позже Федякина увидела, как из сумки бегущей вприпрыжку к воротам камеристки выпала головка дорогого французского сыра, и рассвирепела. Валя ринулась к Коле и заявила:

– Твоя мать сегодня раздает автографы знакомым, ты решаешь важные задачи бизнеса, а ваша прислуга тем временем прет что ни попадя из дома. Короче, я занимаюсь хозяйством. Имеешь что-либо против?

– Нет, дорогая, – заморгал жених. – А ты не устанешь? У мамы, когда она счета проверяет, так голова болит!

Валентина скрипнула зубами и рванула к будущей свекрови с тем же заявлением.

– Любовь моя! – восхитилась дама. – О, спасибо господу за тебя! У меня голова раскалывается, когда приходится денежки кухарке выдавать. Вот сегодня отсчитала тридцать тысяч на кило свеклы и чуть не слегла. Не хочу, чтобы ты занедужила.

– Не волнуйтесь, – хищно улыбнулась Федякина, – занедужат в доме все, кроме меня. Тридцать тысяч на свеклу? Ну, я им покажу!

– Возьми таблеточку от нервов, – заботливо предложила поэтесса, – Колечка их из Америки привозит. Я с садовником только после того, как две штуки приму, говорить могу. Он такие непонятные слова произносит! Например, гнездование ежей. У нас, оказывается, живет целая популяция этих зверушек, внесенных в Красную книгу, поэтому приходится платить налог государству за пользование ежами…

Федякина выругалась, выскочила из спальни Елены Федоровны, вышвырнула в окно полученное от нее лекарство и ринулась на кухню. Думаю, Малюта Скуратов, глава опричнины, правая рука и друг Ивана Грозного, боярин, который

прославился на века крутым нравом и жестокостью по отношению к тем, кто занимался воровством, врал и изменял государю, мог бы искренне полюбить Валеньку, признать ее своей родной дочерью и каждое утро целовать в румяные щеки, приговаривая:

– Ах, девка, ох, молодца!

Глава 9

Для начала Валя выгнала всю прислугу, наняла людей в четыре раза меньше и заставила их в три раза больше работать. Расходы на хозяйство упали спелыми грушами на землю. Белье на кроватях теперь хрустело и пахло сиренью, Колины рубашки выглядели безукоризненно, из унитазов можно было пить воду, в саду все цвело и колосилось, налог на ежей государству перестали платить, парикмахера для белок более не нанимали. Горничные никогда не попадались на глаза хозяевам, повар каждый день готовил новые блюда, на какао не собиралась пенка, из шкафов спешно эмигрировала моль. Ну и так далее, всех радостей и не перечислить. Короче, в усадьбе началась новая жизнь.

Незадолго до свадьбы Ромин, ощущавший себя как все мужчины перед бракосочетанием зайцем, которого злые волки загнали в угол, сказал Валечке что-то резкое. Умная Федякина сделала вид, будто не слышала грубости. Она знала: семейная жизнь складывается удачно лишь у той женщины, которая умеет не реагировать на каждую глупость мужа и любит его за минуты раскаяния. Но тут вдруг после неприятных слов сына вскочила вечно витающая в облаках Елена Федоровна и стукнула маленьким кулачком по столу, так что с ее запястья посыпались на скатерть браслеты.

– Не смей хамить моей Вале! – гневно закричала она. – Она гений нашего очага, хранитель кассы и домовой! У меня теперь рукописи на столе не перемешивают. И если ты гонишь ее вон…

– Мама, – испугался Николай, ранее никогда не видевший поэтессу в праведном гневе и не слыхавший от нее не то что ругани, а даже скромного упрека, – мамуля, да я…

А мамуля схватила тарелку из антикварного сервиза и швырнула ее на пол.

– Если ты отправляешь Валюшу из дома вон, то мы с Мусиком уходим с ней! Идем пешком в Пекин!

Чихуа-хуа, услышав свою кличку, завыл. Елена Федоровна подхватила его.

– Пошли, дорогой. Нас, как короля Лира, гонят из родного дома. Замок Броуди! Просто замок Броуди! Дорогая, в чем нести Мусика? Сам он до Китая не дойдет.

– Леночка, у меня есть кенгурушка для собаки, – ответила Валюша, – повешу Мусика себе на живот.

Коля краем уха слышал про несчастного короля из пьесы Шекспира, а вот о книге «Замок Броуди» Кронина понятия не имел. Ромин по образованию финансист, но в тот день в нем неожиданно подняла голову генетика матери. Олигарх мысленным взором увидел бредущих по шоссе женщин: у Валеньки в кенгурушке болтается чихуа-хуа… мамуля спотыкается на каблуках, теряет браслеты… – и чуть не зарыдал.

– Мама! Я вас обеих очень люблю! Простите меня, дурака!

Елена Федоровна со стоном упала на диван.

– Мигрень! Ужас! Голову словно распиливают!

Валенька, сидевшая на четвереньках над руинами тарелки, ойкнула:

– Что случилось, дорогая? – бросился к ней жених.

– Собирала осколки и порезалась, – сказала Федякина. – Ничего, до свадьбы заживет.

– Бракосочетание вот-вот состоится, – подала голос из горы пледов поэтесса, – рана, возможно, и затянется, а вот как быть с душой? Слезы страданий чернее тучи закрыли все небо любви моей, и стали слезы… э… могучи… нет… приставучи… опять не то… нападучи… Боже, я потеряла дар стихосложения!

Вот как аукается нервное истощение от скандала!

Коля посыпал голову пеплом и поступил так, как поступает девяносто мужиков из ста, когда заставляют жену и мать плакать, – Ромин ринулся в магазин. Обычно обиженная сторона получает букет, конфеты, торт… Мужчин почему-то переклинивает на цветах и сладостях. Хотя, наверное, это наименее затратный вариант в такой ситуации. Ну не притаскивать же в минуты раскаяния набор пластмассовых мисок для кухни, неприлично как-то… Но у Коли кошелек был бездонный, поэтому мама получила шубу из леопарда, а Федякина бриллиантовое колье.

Через год после бракосочетания свекровь попросила невестку:

– Валенька, помоги Катюше Волкиной наладить дом. Муж злится, что она с хозяйством не справляется.

Федякина охотно откликнулась на ее просьбу и через пару месяцев навела порядок в чужом особняке. Потом уже Катя примчалась к Вале умолять ее приглядеть за усадьбой своей матери…

Спустя пару лет Валя стала самым востребованным кризисным управляющим и получает за свою работу большие деньги. Коля иногда шутит:

– Если я вдруг разорюсь, ничего у нас не изменится, мы на Валюхины доходы без проблем проживем.

Требуя солидной оплаты, Валентина ее полностью оправдывает, потому что после того, как она покидает ваш дом, все там работает как часы. Сколько народа мечтает заполучить Валеньку к себе навсегда, и не счесть, но подписывая с клиентом договор, она обычно предупреждает:

– Срок моей работы три-четыре месяца. Ночую я всегда дома, приезжаю к вам в шесть утра, уезжаю в десять вечера.

У Валюшки безупречная репутация. Она никогда не болеет, не опаздывает, не повышает голос, не злится, никого не ругает, не пьет, не курит, легко находит общий язык со всеми, может легко уговорить людоеда стать вегетарианцем, но

берет только тех клиентов, которые ей нравятся. А еще Федякина четыре раза в году улетает куда-нибудь на край света и проводит там семь дней без любимого мужа, компьютера и телефона. Я отлично знала, что сейчас Федякина отправилась в Индию в какой-то богом забытый штат. Но она должна была вернуться несколько дней назад.

– Эй, ты меня слушаешь? – ворвался в уши голос Валюши.

– Ага, – ответила я.

– Ну так как?

– Что? – спросила я.

– Тебе кланялась моя свекровь, – засмеялась Валя. – Елена тоже вроде в разговоре участвует, а сама о своем думает, рифмы складывает. Ты же небось сейчас кого-то убивала!

– Нет, – вздохнула я, – в голове ни одной конструктивной мысли.

– Ладно, повторяю, – чуть громче произнесла Федякина. – У меня форс-мажор. Просто кошмар! Здесь наводнение, и я не смогла вовремя уехать в Дели. Опоздала на самолет. Окажусь в Москве не раньше чем через шесть дней. Жуть!

– Неприятно, но не трагично, – возразила я, – твой отпуск на сей раз будет длиннее.

– Вилка, ты не понимаешь! Моя репутация погибнет! Ведь я никогда не подвожу клиентов! Сегодня в семь вечера к Эмме Крамовой должна прийти домработница. Ты ее знаешь?

– Ни Эмму, ни горничную, которая к ней явится, никогда не видела, – заверила я Валю. – Хотя имени прислуги не знаю, может, мы где и сталкивались.

– Ужас, ужас, ужас! – затараторила Федякина. – Беда хуже разгрома Кутузова под Москвой!

– Ничего не понимаю, – честно сказала я.

– Объясняю коротко, но ясно, – продолжала Валя. – У меня теперь открыто бюро подбора персонала «Идеальные работники». Я никого ни разу не подвела. Думала, прилечу вовремя и сегодня к Эмме горничную пошлю. Но застряла в Индии. В общем, Вилка, придется тебе ехать к Крамовой вместо той домработницы.

– Ты хочешь, чтобы я работала у Эммы? Пока ты не вернешься? – ошалела я.

Из трубки раздались горестные всхлипывания Валентины.

– Вилочка, таракашечка, выручи!

Я попыталась отбиться от задания:

– Я договорилась написать для одного человека книгу, поэтому с утра до пяти вечера сижу в архиве. Бросить рукопись не могу, подписала договор.

– И не надо, – обрадовалась Валя, – Эмме нужен человек с восемнадцати часов. Дело ерундовое – за покупками сбегать, чай ей заварить, пол помыть, белье погладить. Вилочка, ты же когда-то была домработницей.

– Было дело, – согласилась я, – но…

Продолжить мне не удалось. Дверь кабинета распахнулась, оттуда выбежала медсестра. Увидев меня, она остановилась.

– Вы живы?

– Конечно, – сказала я, – и в ближайшие лет сто уходить к праотцам не собираюсь.

Ксения начала истово креститься.

– Слава богу!

В коридоре послышались шаги, я увидела стройного мужчину лет пятидесяти в костюме и рубашке с галстуком.

– Где тело? – спросил он.

Я разинула рот, Ксения показала пальцем на дверь библиотеки.

– Там.

Раздался стук каблуков, теперь ко мне приближались две молодые женщины с чемоданчиками в руках.

– Куда нам, Виктор Николаевич? – спросила одна из них.

Мужчина распахнул дверь.

– Сюда.

Прибывшие отправились в кабинет, я двинулась за ними и увидела Веру Васильевну, лежащую на полу. Около нее на коленях стояла Анна Семеновна.

– Я положила ее на твердую поверхность, – пробормотала врач, – но у меня же не реанимация, ничего подходящего с собой нет. Летальный исход, Витя. И у той, что раньше увезли, тоже exitus letalis[6 - Exitus letalis – смертельный исход (лат.).]. Странно, да?

Глава 10

Не успела я выехать на шоссе, как мне позвонил Степан.

– Чего поделываешь?

– Пытаюсь добраться до Эммы к шести вечера, – пояснила я, – опаздывать неприлично.

– Эмма? – повторил Дмитриев. – Впервые слышу от тебя это имя.

– Сама его узнала не так давно, – вздохнула я и рассказала Степе про звонок Вали.

– Ну молоток Федякина, – крякнул Степан, – надо же, уломала тебя. Просто мастер переговоров. Значит, она открыла агентство по найму персонала? А почему в свой офис не позвонила, не велела сотрудникам найти домработницу? Тебе следовало сказать ей: «Валентина, я не занимаюсь поденной работой. При всем уважении к тебе, не готова на черный труд. И у тебя есть фирма. Почему мне трезвонишь?»

– Не сообразила как-то, – грустно призналась я, – сразу не пришло в голову.

– Тухлый ты кролик, – разозлился Степа. – Хм, согласилась не пойми у кого полы мыть… Забыла, что ты известная личность, Арина Виолова? Черт-те что прямо! Ну, Валентина, ну, погоди, я вернусь, услышишь ты тогда ласковое слово…

– Сама могу с человеком сурово побеседовать, разберусь с Федякиной! – воскликнула я.

– Ага, уже разобралась, – не успокаивался Степа. – Швабру с собой везешь или на месте выдадут?

– Лечу на ней, – хихикнула я.

– О! Удобно, пробок нет, – процедил Дмитриев. – Вот как тебя одну оставить? Мигом глупостей натворишь!

– Эмма инвалид, – остановила я Степана, – прикована к креслу. У нее есть компаньонка с необычным именем Франция Германовна, которая ухаживает за госпожой Крамовой, но с шести до десяти вечера сиделки нет. Поэтому на это время ей требуется домработница – чай подать, например, что-то купить сбегать. Я решительно отказывалась от роли, которую навязывала мне Федякина, но когда Валя сказала, что парализованная Крамова останется одна, а вдруг пожар…

– Дальше можешь не продолжать, – остановил меня Степа.

– Это всего будет пару раз, – забубнила я. – А еще мне сегодня пришлось дважды давать показания полицейским. Один оказался полным идиотом, второй произвел хорошее впечатление.

– Ты украла в трамвае кошелек, а когда тебя высадили, спустилась в метро, начала стрелять в окружающих чернилами из водяного пистолета и была задержана? – предположил Степан.

– Хорошая идея. И почему она мне раньше в голову не пришла? – парировала я. – Нет, повод был другой. Я зашла в кафе, за соседним столиком мужчина пил эспрессо, потом он вышел на улицу и умер. Похоже, у него инсульт.

– М-да, – долетело из трубки.

Я продолжила:

– А еще женщины в архиве решили полакомиться конфетами. Сотруднице Елене внезапно стало плохо, и ее увезли в больницу. Когда я вернулась из кафе, у заведующей библиотекой начался отек Квинке. К ней тоже приехал доктор. Я вышла в коридор, беседовала с Валентиной, а Вера Васильевна за это время умерла. Лена тоже не выжила.

– Надеюсь, ты конфеты не пробовала? – забеспокоился Степан.

Я повернула направо и притормозила у шлагбаума, который закрывал въезд во двор.

– Не сочти меня снобкой, но я не ем конфеты, в составе которых есть пальмовое масло, соевый лецитин и еще куча всяких удивительных составляющих. Мне нравится шоколад, в котором какао-масло, какао-бобы и больше никаких других ингредиентов. Ну еще, может, немного сахара. Ой, а заведующий архивом, Андрей Николаевич Шлыков! Это просто нечто!

Охрана во дворе дома Крамовой оказалась на редкость нерасторопной, шлагбаум долго не поднимали, и я успела подробно рассказать Степе о том, как

странно ведет себя Шлыков.

– Похоже, у него и впрямь с мозгами беда, – сказал мой будущий муж, – на шизофрению похоже. Опасно около такого больного находиться, ведь неизвестно, что ему в следующий момент в голову взбредет. А если у человека еще есть и коллекция стрелкового оружия, то это совсем стремно. Сейчас позвоню Игорю, пусть он узнает, не лечится ли где сей тип. Вилка, если выяснится, что он псих, ты немедленно покинешь архив. Хорошо? Не хочу, чтобы моя жена от сумасшедшего пострадала. Ты мне дорога как память о детстве. И не смей со мной спорить!

– Собственно, я даже не собиралась, – вздохнула я, – самой некомфортно рядом с неадекватным дядькой. Но сейчас можно посещать психиатра в дорогой клинике анонимно. Хотя Шлыков не похож на человека с деньгами.

– Даже если он ходит на сеансы анонимно, Игорь все раскопает, – пообещал Степа.

Наконец красно-белый шлагбаум медленно поднялся.

– Приехала, – доложила я жениху, – давай попозже созвонимся.

– Напряженный, однако, у тебя сегодня денек выдался, – заметил Степан, – надеюсь, вечер будет не столь хлопотным. Звякну в пол-одиннадцатого по Москве. Думаю, ты как раз закончишь полы мыть.

Я положила трубку в сумочку и вылезла из своей малолитражки. Сама понимаю, что совершила глупость, согласившись на эту авантюру, но Валентина может уговорить кого угодно и на что угодно.

Я повертела головой, осматриваясь. Хм, а госпожа Крамова явно не испытывает финансовых затруднений – дама живет в доме, где совсем не дешевые квартиры.

– Вы к кому? – спросил секьюрити.

– В сто пятую квартиру, – ответила я.

Охранник показал на маленький коридор.

– Лифт там.

– Вроде подъемники справа, я прекрасно их вижу, – улыбнулась я.

– Вам в пентхаус, – объяснил секьюрити, – там своя кабина. Код знаете?

Из сумки послышался тихий звон – прилетела эсэмэска. Я вынула трубку и прочитала: «Нажми 5614. Пароль. Лифт». Федякина очень вовремя прислала код.

– Пять, шесть, один, четыре, – озвучила я цифры и поспешила в указанном направлении.

Кабина доставила меня к двери, которая открылась, едва я решила нажать на звонок.

– Вы домработница от Федякиной? – спросила худенькая, похожая на воробья пожилая дама, сидевшая в инвалидном кресле.

– Здравствуйте, меня зовут Виола, – представилась я.

– Эмма, – назвалась старушка. – Без отчества. Терпеть его не могу. Мне срочно нужен арбутус. Сию секунду. Глаза ломит. Можете купить?

– Арбутус? – переспросила я.

– Глаза ломит, – повторила хозяйка, – прямо жжет. Арбутус вы найдете в аптеке в супермаркете. Доступно вам объяснила?

Я улыбнулась. Понятно, Эмме необходим альбуцид, хорошие, давно придуманные глазные капли. К сожалению, они сильно щиплются, но прекрасно борются с инфекцией.

– Да, я все поняла.

– Пожалуйста, дорогая, не стойте, – поторопила меня хозяйка, – вот.

Я взяла протянутую кредитку.

– Код четыре единицы, – пояснила Эмма. – Не задерживайтесь! Ох, чуть не забыла… Дайте ваш номер телефона, сброшу на ватсап сообщение, получите мой контакт.

Я написала Эмме номер и ушла в глубокой задумчивости. Хозяйка впервые увидела домработницу, не проверила у нее паспорт, не задала каких-либо вопросов, вручила незнакомой тетке платежный документ, сообщила код доступа к нему и отправила в аптеку. Это редкостная беспечность или безграничное доверие людям? Если верно второе, то госпожа Крамова достойна восхищения.

Сама-то я поняла, что далеко не каждый человек честен, в семь лет, когда меня отправили за молоком.

– Смотри не потеряй деньги, – строго велела тетка Раиса, – купюра крупная, внимательно проверь сдачу.

Я побежала в магазин, крепко сжимая кошелек, и вернулась домой в слезах. У кассирши не нашлось сдачи, она ласково сказала мне:

– Девочка, погуляй минут десять, я наберу денег и отдам.

Наивная семилетка вышла на улицу и ровно в указанное время вернулась. В кассе сидела другая работница. На мои робкие слова:

«Тетенька, а где другая тетенька? Она мне сдачу не отдала», – последовал ответ:

– Хватит врать. Смена закончилась, кассирша деньги сдала, все ровно совпало. Ах ты, маленькая пакостница, решила, что тебе поверят? Шагай отсюда, пока по заднице не получила!

Раиса тоже заподозрила меня во лжи, решила, что я потеряла сдачу, и от души наподдавала мне тумаков.

Воспоминания заставили меня поежиться, я вошла в торговый центр, потом в аптеку и приблизилась к прилавку.

– Добрый вечер. Мне нужен альбуцид.

– Для наружного или внутреннего применения? – лениво спросила фармацевт.

Я растерялась. Ну, во-первых, я не знала, что капли можно пить. А во-вторых, как правильно ответить? Глаз находится снаружи, значит, он определенно не внутренний орган. Но, когда капаешь, лекарство оказывается внутри того, что снаружи.

– Ау! – окликнула меня девушка в белом халате. – Как доктор прописал использовать медикамент? Глотать, жевать, растираться им, колоть его?

Маловероятно, что аптекарша никогда не слышала про альбуцид. Она что, смеется надо мной? Я посмотрела на щекастое лицо девушки, поняла, что та недавно закончила училище, и решила быть снисходительной.

– Мне нужны капли в глаза.

Глава 11

Фармацевт открыла ящик и начала выбрасывать на прилавок упаковки, без устали рассказывая о них.

– В синей коробочке супермегараствор. Подходит всем, не щиплется, устраняет сухость, резь, ощущение песка под веками, смягчает и увлажняет глаза.

Я взяла упаковку. Все хорошо, кроме слова «смягчает», думаю, мягкий глаз Эмме не нужен. Органу зрения необходима упругость, он же не булочка с корицей.

Хотя я не офтальмолог, вероятно, ошибаюсь.

– Устраняет близорукость, косоглазие, астигматизм, – пела красавица, – бережет глаза от удара.

Я заморгала.

– Да ну? Всегда полагала, что если вам заехали в светлые очи бейсбольной битой, то ничего не спасет от этого.

Провизор сложила руки на груди.

– Начнете капать, глаз напитается витаминами, расширится, выпучится, станет твердым. И никогда не выпадет при травме.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Биография Ленинида детально изложена в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки».

2

История, которую не желает вспоминать Вилка, описана в книге Дарьи Донцовой «Инкогнито с Бродвея».

3

Читайте книгу Дарьи Донцовой «В когтях у сказки».

4

Фирс – персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». Очень пожилой, даже дряхлый мужчина. (Здесь и далее прим. авт.)

5

Аня – дочь помещицы Раневской. Героиня семнадцати лет – персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад».

6

Exitus letalis – смертельный исход (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/darya-doncova/zakon-molodil-nogo-yablochka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити